

КАТЯ ЁЖ

ДОМ НАД МОРЕМ

МУЧЕНИЦА

18+

Катя Ёж

Дом над морем. Мученица

«Автор»

2026

Ёж К.

Дом над морем. Мученица / К. Ёж — «Автор», 2026

"Отрастила девочка когти, отрастила зубы. Последний бой с тенью — победителей... не будет?" Майя наконец-то может дышать полной грудью: тайны раскрыты, враги повержены, любимому мужу никто и ничто не угрожает. Путь к счастью свободен? Но море все холоднее, чайки злее — тьма не отступит, и в ней Майя встретится с собственным отражением. Последний чудовищный секрет Юлии Дорн, история Варвары и капля волшебства — такого финала вы не ждали.

© Ёж К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Катя Ёж

Дом над морем. Мученица

ПРОЛОГ

Острым носком сапога Майя пытается расправить загнутый край пушистого ковра и задумчиво разглядывает свою ногу, обтянутую замшей. На один этот сапог ушли три ее зарплаты в интернате. Пара, естественно, стоит в два раза дороже. Как быстро привыкаешь к достатку!

— Что за безвкусица... — слышит она раздраженный голос и поднимает голову.

Крупная стриженная блондинка расхаживает по комнате, морщится, брезгливо оттопыривая нижнюю губу. Отпихивает что-то, лежащее на полу, в сторону Майи. Майя наклоняется, поднимает и расправляет в руках скомканную шелковую ленту, одну из тех, что любила носить Соня.

— Я пойду поищу этого чудо-скульптора, а ты осваивайся, — Наталья Лисовская смотрит на Майю чуть насмешливо. — Что, струсила? Не бойсь, если Грибоконь останется нам верен, галерея не схлопнется. И ты отлично с ней справишься.

Майя неопределенно пожимает плечами.

Лисовская направляется к двери, но на полпути останавливается и поворачивается к Майе опять.

— Не думай, что мы подружки. Я никогда не прощу Максу дружбы с Федькиной потаскухой, но ты хороша уже тем, что вышла за него и взбесила Лисовского. Будешь умничкой — сделаю тебя здесь управляющей.

Она смеется — во весь рот, грубо — и выходит. Майя аккуратно складывает ленту, кладет в карман пальто и вздыхает.

— Глухо. По нулям, — говорит Алексей.

Он похудел, издергался, с лица не сходит выражение тоски и тревоги. Майя узнает этот взгляд — такую же тоску она часто видит в глазах собственного мужа. Но Максим скорбит по умершей Юлии, а Вика жива, жива, надо в это верить!

Ярцев, похоже, верить устал.

— Я ходил к этому их начальнику... К Важенину, — рассказывает он.

Майя мрачнеет. Важенин — друг Федора Лисовского, и если Вика умудрилась влезть в расследование убийства Ольги Михайловны, то пиши пропало. Искать ее в полиции не станут. Хорошо, если сами руку не приложили к исчезновению. Но убили ли?

— А я не верю, что Лисовский хотел навредить Вике. — Алексей мотает головой. — Он за ней приказал следить еще тогда, когда Зарубина жива была. Она его чем-то интересовала.

Майя хмыкает. И чем же? Искал девушку покрасивее на замену умирающей любовнице? Из Вики вторую Соню при всем желании не сделать!

— Что со стройкой на побережье? — спрашивает она.

Алексей удивленно вскидывает глаза.

— Максим Евгеньевич не рассказывает?

— Максим Евгеньевич, похоже, в офисе ночует, — с кислой миной отвечает Майя. — Редко видимся. Так что с проектом?

— Приостановлен. С той поры еще, — Ярцев потирает зажившее после ранения плечо.

— Наталья Дмитриевна потребовала все заморозить.

Майя удивленно приподнимает брови. Неожиданно, хотя... Взяв на себя управление активами Федора, Наталья оспорила многие его решения. Очевидно, из мести. Всю жизнь находившаяся в тени и терпевшая унижения женщина выпустила внутренних демонов на волю, и они резвились вовсю...

— Как думаешь, так все и кончится? — спрашивает Алексей.

Майя пожимает плечами. Откуда ей знать?

Вишневый кроссовер мчит по трассе, Майя задумчиво глядит на пролетающий мимо ландшафт. Скоро она сама сядет за руль, и Кирилл будет не нужен. Или Максим настоит? Он стал бояться за нее... Глупец. Ей-то как раз опасаться нечего. Пусть лучше подумает о том, какую ношу сам взвалил на себя.

Автомобиль въезжает в ворота, останавливается у крыльца, и Кирилл помогает Майе выйти. Она медленно идет к ступеням, оглядывает территорию. Подметено, прибрано, сад наконец-то приведен в порядок.

Майя бросает взгляд на террасу и довольно улыбается: унесли чертово кресло и сгнивший столик. И шиповник выдрали. Не то чтобы Максим позволил это... У него просто не было сил спорить. Молча стоял и смотрел, как рубят и укладывают в тележку шипастые ветки, а лицо такое, будто он делал это сам голыми руками. Майю вниманием не удостоил — развернулся и ушел. Но не в комнату Юлии: там он больше не может проводить дни и ночи, когда что-то не нравится — спальня занята.

Майя входит в дом, минует оранжерею, потом гостиную, попутно кивая молоденькой горничной, нанятой совсем недавно, потому что надоело разбираться с растяпами из клининговых контор. Лестница, поворот, коридор. Теперь здесь всегда светло: нанятый мастер поменял систему освещения, и свет включается от движения и звука. Навстречу Майе стремительно шагает высокий темноволосый мужчина с пронзительными синими глазами.

— Добрый день!

— Добрый!

Он спешит к выходу, в руках медицинский саквояж. За ним торопится немолодая женщина с добрыми глазами. Сейчас в них стоят слезы, и у Майи нехорошо екает сердце. Она идет дальше, останавливается у двери в спальню Юлии и стучит. Получив разрешение войти, переступает порог.

Полумрак, сильный запах каких-то лекарств. Женщина, лежащая в постели, со слабой улыбкой и явно превосходя себя, поднимается и протягивает ей руку. Майя улыбается в ответ:

— Как дела, Соня?

Глава 1

Максим все-таки поехал к Шубиной. Пока Майя успокаивала плачущую Дину, а потом ждала его до позднего вечера, он крутился, выясняя, что известно о падении вертолета Лисовского, кто и как собирается искать его, не нужно ли чем помочь и все в том же духе.

Соня приняла известие о катастрофе и возможной гибели Федора на удивление стойко. Обошлось без заламывания рук, обмороков и моря слез: она попросту не могла себе этого позволить, потому что на нее смотрел Артем, которому нужна была мать, а не захлебывающаяся в рыданиях истеричка.

Даша с Никитой собрались вылететь домой первым же рейсом, на который удастся достать билет, но Соня воспротивилась:

— Даша, у тебя зачеты на носу, ты все равно здесь ничем не поможешь. А у Никиты конкурс. Ты готовился, так зачем все пускать коту под хвост?

При этом ее разговоре с детьми Максим присутствовал и был искренне изумлен.

— Что? — грустно спросила Соня. — Я выгляжу бесчувственной? Но он, — она имела в виду Федора, конечно же, — сказал бы им то же самое. Какой от них тут прок?

— Ты вовсе не бесчувственная. Но ты сильнее, чем мне казалось, — сказал Дорн.

— Меня с детства окружали сильные духом люди.

Максим спрятал горькую усмешку. Да уж, сильные! Сильные не калечат других, скрывая собственную слабость, как это делал Федор. И не сбегают на тот свет от всех проблем, как его сестрица.

Соня вдруг нахмурилась, задумавшись о чем-то, а потом проговорила:

— Нам не сообщили, куда летел вертолет.

— Что ты имеешь в виду?

Максим сразу не понял, к чему она клонит, но впоследствии не раз думал о том, как сильно развито чутье у женщин, когда речь заходит об угрозе их потомству.

— Он летел за Натальей? Или уже с ней? — спросила Соня.

Она задала тот единственно верный вопрос, от ответа на который зависела ее собственная судьба и будущее детей Лисовского.

К несчастью для них всех, Федор не успел посадить в вертолет жену.

Вернувшись в город, Наталья первым делом подняла документы на собственность мужа и установила, что абсолютно все, чем распоряжалась Соня, принадлежало Федору. Ловкие юристы в кратчайшие сроки помогли получить нужные полномочия, и уже через неделю Наталья потребовала от Сони немедленно собирать вещи и проваливать и из квартиры, и из галереи. Единственное, до чего не могла дотянуться карающая длань фурии — Ромка, чей неприкосновенный статус в компании защищал Максим.

Ярослав Грибоконь, наблюдая за тем, как Шубина, словно сомнамбула, бродит по галерее, уже готов был предложить собственное жилье, но потом спросил:

— А что же Дорн? У него большой дом, я слышал.

Соня покачала головой:

— И молодая жена. Зачем им чужие люди рядом?

— Разве вы не друзья? Соня, подумай о детях, о своей Лидии, о себе, в конце концов — ты больна!

Она почти не слушала его, погрузившись в собственные мысли, и вдруг сказала:

— Почему все уже похоронили Федю? Вдруг он вернется?

Ярослав только поглядел на нее с жалостью, решив не спорить, но любому было ясно, что выжить в такой катастрофе сложно. Вертолет разломало на куски, он упал в скалистой местности на голые камни. Бездыханное тело пилота нашли рядом, и если бы Федор и выжил, то к этому времени уже замерз бы. И тем не менее находились те, кто еще надеялся обнаружить Лисовского живым.

— Ведь его там не было, его не нашли, — твердила Соня.

О том, что вертолет разбился возле ущелья, и часть обломков рухнула вниз с огромной высоты, ей думать не хотелось. Оставаясь внешне спокойной и почти безучастной, внутренне Соня трепетала в ожидании новостей, однако шансы на счастливый исход таяли с каждым днем.

За сутки до истечения срока, отмеренного Натальей, Соня слегла с температурой, и Лидия в отчаянии позвонила Максиму. Тот долго не думал, и уже через несколько часов Майя была поставлена перед фактом: Соня, Артем и Лидия, а в скором времени и Даша с Никитой поселятся в особняке Дорнов.

— Им некуда идти, Майя. Наталья вконец распоясалась и собралась отомстить не только Соне, но и всем ее детям. Даже у Ромки отбирает квартиру, которую ему отец подарил. Лисовский, беспечный дурак, все записывал на себя.

— Разве Федор не признал каждого из них официально?

— Признал, конечно. Поэтому мы так просто не сдадимся, надо будет — в суд пойдем, но судиться пока не о чем — его не объявили погибшим.

Майя со вздохом кивнула:

— Что ж... Места здесь хватает. Я смотрю, ты приказал комнату Юлии подготовить. Для Сони, надо полагать? Она — твой мостик в прошлое.

— Майя...

Максим чувствовал свою вину. Она, разумеется, согласится, потому что деваться некуда, но ей больно и неприятно. Даже то, что в спальне Юли поселят Соню, а не ее, супругу, выглядит отвратительно.

Но он не мог иначе, он *хотел*, чтобы там жила именно Соня. Майя все угадала верно: Шубина была для Максима символом безвозвратно ушедшего прошлого, которое он так и не смог отпустить.

Майя отступила и сухо сказала:

— Делай, как считаешь нужным. Я приму любое решение.

...Последнее воспоминание — длинные волосы Юли, которые ветер бросил ей в лицо перед тем, как все случилось. Вот мягкие смоляные кудри щекочут веки, нос, щеки, а в следующую секунду — ослепительный свет, и барабанные перепонки рвутся от грохота. Ее поднимает в воздух, страшный удар, отзывающийся болью во всем теле, темнота.

...Она приходит в себя, лежит на чем-то мягком. Саднит в горле, тошнит, голова раскалывается. Ни ног, ни рук не чувствует. Паралич?! Пытается подняться, и тут же ее прижимают обратно, а чей-то голос шепчет:

— Нельзя, нельзя, лежи!

...Она стоит у окна и курит. Чувствует за спиной чужое присутствие, оборачивается. Озорные серые глаза, обаятельная улыбка, тонкие черты — таких она никогда ни в одной части, где муж служил, не встречала. Не армейское лицо. И молодой совсем, лет двадцать пять.

— Андрей!

— Варвара.

Она равнодушно отворачивается. Не до знакомств ей.

— Откуда ты здесь? Работаете?

— *Лечусь. Скоро выписывают.*

— *Ба! Неужто боевое ранение?*

— *Конвой разбомбили, когда на аэродром ехали.*

Улыбка гаснет — по голосу слышно.

— *С кем ты была?*

— *Муж, дочь.*

Он молчит. Про то, что случилось, весь госпиталь в курсе. И про то, что из всей колонны спасли ее одну, — тоже.

...Андрей уезжает. Комиссовали. Приходит попрощаться.

— *Ты когда сама отсюда?*

— *Скоро.*

— *И куда?*

— *К родителям. А ты?*

— *Домой, к своим! — широкая улыбка. — Дочку больше года не видел!*

И осекается. Она опускает глаза, сдерживается.

— *Слушай, — говорит он. — Ты не пропадай. Есть у меня мыслишки кое-какие... Вернешься — позвони мне. Вот номер.*

Сует бумажку. Она берет, но не смотрит. Зачем ей это?

— *Обязательно позвони! Слышишь? Давай, до скорого!*

— *До скорого...*

Она сминает бумажку в кулаке, опускает в карман больничного халата и забывает о ней.

Глава 2

— Денис, давай начистоту.

Максим чувствовал себя неуютно в кабинете Важенина. Сидящий глубоко в подсознании иррациональный страх, унаследованный вместе с памятью поколений, нашептывал, что зря он вошел в это здание с серыми каменными стенами и обшарпанными коридорами. “Схватят, не выпустят, бросят в одиночку в сыром подвале!” — кричал внутренний голос, когда Дорн отдавал пропуск полковнику. Усилием воли Максим взял себя в руки и старался двигаться и выглядеть непринужденно.

Важенин мрачно глядел на него из-под насупленных бровей, барабанил по столу пальцами. Напряжение между мужчинами ощущалось каждым из них так отчетливо, что, казалось, подойди они друг к другу еще ближе, начнут проскакивать искры.

— Федор все карты на стол выложил, — продолжал Дорн. — Я в курсе, что вы с ним собирались мне предъявить. И по Юле, — на этих словах глаза Дениса сузились, — и по Зарубиной.

— От меня ты чего хочешь? — тихо, но угрожающе спросил полковник.

— Объясни, какого черта меня теперь допрашивают в связи с крушением вертолета, — в тон ему ответил Максим. — Это совсем за гранью.

— Отчего же? — Важенин раскрыл папку с кипой бумажных листов. — Есть свидетели, утверждающие, что незадолго до катастрофы вы, Максим Евгеньевич, яростно спорили с Федором Лисовским, разойдясь во мнениях относительно некоего проекта застройки...

— Денис! — Максим повысил голос.

— А в свете обвинений, предъявленных вам господином Лисовским, — Важенин тоже заговорил громче, — у вас сформировался четкий мотив убрать его, чтобы не...

— Да ничего не стоят эти ваши обвинения! Я пришел, чтобы по-человечески все выяснить!

Денис буравил Дорна взглядом.

— Даже если Федор действительно погиб, дело на меня завести не удастся.

— Ошибаешься. Да, заявление о доведении до суицида его сестры я подать не могу, но добиться передачи дела Зарубиной в мой отдел...

— Зачем тебе это? За что ты хочешь со мной разделаться? — устало спросил Максим.

Денис прорычал:

— Много о себе мнишь!

— Скажи, ты считаешь себя другом Лисовского?

— Я был другом им обоим!

“Вот оно что... — Максим задумчиво глядел на Важенина. — Так ты ее любил!” Память услужливо приподнимает завесу. Вот Денис склоняется над телом Юли, изучает ее запястья, просит криминалиста расстегнуть ворот платья и открыть шею, потом они поднимают подол... “У вас с Юлей случались конфликты?” — спрашивает Важенин, но Максим в состоянии шока и плохо понимает его вопрос.

Нет, до него не достучаться. Но, может быть, так...

— Подумай головой, Денис. Ты ведь знаешь, у Феде остались дети. Как по-твоему, кто сейчас их единственная опора, учитывая, что Наталья активно ищет способ отыграться на них и их матери за все годы унижительного брака? Посадишь меня — обречешь Софью на смерть, детей на нищету. Отцепись, прямо прошу. Хотя бы пока не станут понятны их перспективы.

Важенин молчал, и Максим усмехнулся. Задумался полковник, значит, на время отстанет. Ах, да!

— Еще одно, — сказал он. — Кто ведет дело об исчезновении Виктории Волковой?

Денис поморщился:

— Тебе-то что до нее?

— Эта девушка подруга моей жены и невеста хорошего парня.

— Слушай, Дорн! — Важенин снова ошетинился. — Давай договоримся: я не лезу к тебе... Пока не лезу! — он поднял вверх палец. — А ты не лезешь в посторонние дела, лады?

— Но...

— Да все с девочкой в порядке! — рявкнул Денис, потеряв терпение, и тут же захлопнул рот, но Максим уже ухватился за ниточку.

— Так это все-таки Лисовский...

— Дорн!

Полковник встал и навис над ним. Максим вновь ощутил тень ужаса перед казематами и пыточными.

— Если ты еще хоть на шаг ближе подберешься к тому, что тебя не касается, — закрою. Усек?

Максим усек. Собственно, он понял главное: с Викой все хорошо, она жива и под защитой самого Важенина. А уж почему и как это вышло... Любопытство грызло нещадно, но жажда свободы оказалась сильнее, и, получив назад пропуск с отметкой, Дорн с приличествующей ситуации быстротой ретировался.

Пожалуй, никогда еще в особняке Дорнов не было так шумно. Хоть Соня и решила, что возьмет с собой совсем немного вещей, на это “немного” понадобился целый грузовик, который сейчас и разгружали веселые ребята, сопровождавшие работу болтовней и гогочущим смехом.

Сама Соня, опираясь на руку Ярослава, медленно поднималась по лестнице, следуя за Майей. Артем, опустив голову, брел за ними. Он уже бывал тут, но Майю видел впервые и страшно стеснялся, не ожидав, что новая жена дяди Максима так молода — ровесница его старшего брата.

— Максим приказал поселить тебя здесь, — сказала Майя, распахнув перед Соней дверь спальни Юлии. — Артема разместим в комнате перед моей, Лидию у тебя за стеной, а Даша с Никитой поделят оставшиеся.

Соня вошла в комнату и сразу повернулась к портрету. Ярослав замер позади нее.

Майя исподлюбья следила, как Шубина с благоговением прикоснулась к изображению Юлии, а потом обернулась к Грибоконю.

— Не устану восхищаться твоим талантом, дорогой.

Но на лице Ярика вместо свойственного ему самодовольства Майя увидела лишь печаль. Судя по всему, портрет не вызывал у него приятных воспоминаний. Соня тем временем тяжело опустилась на кровать.

— Как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно спросила Майя.

Прежде чем Шубина успела что-либо ответить, Грибоконь положил ладонь ей на лоб и озабоченно поцокал языком:

— Ложись-ка ты, прелестная моя! Позову Лидию...

Он удалился, а Майя, старательно давя в себе зависть, сказала:

— Он так заботится о тебе, Соня! И вообще тебя все ужасно любят.

Та качнула головой:

— Да нет, не все.

— С Натальей понятно...

Майе не дала договорить буквально вихрем ворвавшаяся в спальню Лидия. Она тут же засуетилась, закудаhtала над окончательно сникшей Соней, и Майя тихо вышла. В коридоре к стенке жался Артем. Она окликнула его:

— Пойдем, покажу твою комнату!

Вернувшись домой, Максим заглянул к гостям, проверяя, как они обустроились. Он о чем-то долго разговаривал с Артемом и вышел от него с озабоченным видом.

— Что-то не так? — спросила Майя. — Ему некомфортно?

— Нет, нет, с комнатой все прекрасно, Тёмке нравится. Дело в другом.

Максим шагнул к Майе, поцеловал и заключил ее в крепкие объятия:

— А тебе спасибо! Ты не представляешь, что для меня значит твоя поддержка. И прости за это все.

— Ты не мог иначе.

Она не хотела ничего обсуждать и потянула его к себе, требуя новых и новых поцелуев. В последние дни им редко удавалось побыть вдвоем, и Майя успела соскучиться по его губам, рукам, телу. Она вздрогнула, когда ощутила, что и он тоже. Тут совсем рядом с ними скрипнула дверь, и чей-то голос смущенно пролепетал:

— Прошу прощения...

Густо покраснев, Майя одернула задранную Максимом блузку и проводила взглядом Лидию, направлявшуюся к себе. Максим перевел на жену лукавый взгляд:

— Все, дорогая, придется забыть о любовных играх везде, где прихватит! Будем благопристойно общаться за закрытыми дверями, как и положено приличным людям.

Он увлек Майю в ее спальню, но она уперлась:

— Давай к тебе!

— Как скажешь, — ответил он чуть удивленно.

Майя порадовалась тому, что Максим не стал с ней спорить. Отныне у всех стен в их доме появились уши, а за стеной ее комнаты сидит совсем мальчишка, которому не стоило бы слышать, как сладки Майе ласки мужа.

Вечером они обсудили встречу Максима с Денисом Важениным.

— Кажется, до него дошло, что меня сейчас лучше не трогать, — сказал Дорн.

О той части разговора, которая касалась Виктории, он решил не распространяться, упомянув лишь, что Важенин заявил о своей полной непричастности к ее исчезновению.

— И ты ему веришь? — с сомнением протянула Майя. — Тогда почему Вику до сих пор не нашли?

— Золотце, так если не нашли, значит, жива! — успокоил ее Максим.

“Либо труп хорошо спрятали,” — подумала Майя. Она все еще убеждала себя надеяться на лучшее, но даже ее слабенькая логика подсказывала, что не пропадают просто так молодые красивые девушки. Что-то здесь нечисто.

— Как ты думаешь, Лисовский мертв? — спросила она немного погодя.

Максим тяжело вздохнул:

— Будь он жив и в состоянии добраться до людей, давно бы нашелся.

— Соня довольно сдержанно ведет себя.

— Не позволяет себе раскисать из-за Артема. Я и сам не думал, что ей удастся справиться с собой, она ведь действительно любила Федора.

— Удивительная женщина!

— Лучшая из нас... — тихо сказал Максим, и в голосе его звучали сожаление и горечь.

— Из вас? Ты имеешь в виду ее, себя, Лисовского и Юлю?

Максим не ответил, но Майя не отставала:

— Как-то раз Соня упомянула, что в вашей компании — она сказала “в веселой компании” — у нее была роль исповедника. А кем были остальные?

Максим поморщился и попытался отшутиться:

— Солнце, что за бред!

— Нет, постой! Смотри, ты — затворник! Такой бука был, пока мы не поженились. И рассказывал, что всегда был замкнутым.

— Хм, продолжай! — теперь Максим, казалось, оживился.

— Лисовский... — Майя подняла глаза вверх и принялась шевелить губами, мысленно подбирая эпитеты.

— Деспот! Тиран!

Дорн рассмеялся.

— Что ж, довольно точные определения.

— А Юля? Кто она?

Улыбка пропала с его лица. Майя закусил губу. Ну вот, опять... Несмотря на все их долгие беседы о прошлом, о трагедии, после которой Максим уже не мог быть прежним, ему все еще тяжело вспоминать. Хорошо, пусть он промолчит, тогда она примется болтать дальше, и они проскочат этот момент, как выбоину на дороге. Но он произнес:

— А я не знаю... Представь, я действительно не знаю, кем же она была.

Майя картинно развела руками:

— Эх... Ну и черт с ним, проехали!

Но Максим не слушал ее. Его взгляд остановился на стене, на пустой стене, где не было ничего, но он будто видел там что-то. Или кого-то. Обретавший краски и живость образ женщины, с которой он прожил много лет бок о бок, но так и оставшейся для него загадкой.

Майя поджала губы. Сама виновата, за язык никто не тянул. На сегодняшний вечер бледной тенью для мужа станет она сама.

Уже почти ночью, прежде чем лечь спать, Майя решила обойти дом. В отсутствие Варвары тщательно выстроенная система начала разваливаться: Дина не понимала что и к какому часу готовить, сад без должного ухода начинал приходить в запустение, и ветер гонял по дорожкам все множась опавшие листья, мелкие сучки и комья грязи. Да и растения в оранжерее и стремительно заполняющиеся пылью комнаты сами о себе не позаботятся. А еще необходимо следить за котельной, водоснабжением, септиком... В отличие от других домов в коттеджном поселке, особняк Дорнов сохранял полную автономность. В какой-то степени это было преимуществом, но управление хозяйством требовало времени и сил. И навыка, которым Майя не обладала, а у Максима элементарно не хватало времени даже на то, чтобы объяснить ей азы домоводства такого уровня.

Постояв в задумчивости посреди гостиной, Майя сдалась и разрешила себе хотя бы сегодня обо всем этом не думать. Она поднялась, дошла до спальни Максима и решительно вошла. Он уже спал без задних ног и даже не почувствовал, как девушка, скинув ночную рубашку, скользнула под одеяло и прижалась к нему. В конце концов, он ее муж, и она имеет право спать с ним, даже если у него на этот счет какие-то там правила.

Майя осторожно взяла руку Максима и нырнула под нее. Он что-то сонно промычал, заерзал, а потом прижал жену к себе. Счастливо улыбаясь, она заснула.

— Надо найти замену Варваре...

Майя пробормотала это в полудреме, слушая, как Дорн бродит в потемках по спальне, одеваясь и приводя себя в порядок. Потом она все-таки нашла в себе силы и села на постели.

— Не мучайся, Максим, включи свет!

— Я не хотел тебя будить, ты так сладко спала у меня под крылышком.

Он имел неосторожность подойти слишком близко к кровати, и Майя тут же схватила его за галстук, притянула к себе и, встав на ноги, обняла, прижавшись всем телом. Максим зарылся лицом в ее волосы и сожалением простонал:

— Вот почему я предпочитаю спать один. Как теперь оторваться от этой прекрасной голой женщины и пойти на работу?

— А надо было разбудить женщину и уделить ей внимание, — назидательно сказала Майя. — Ну же, иди сюда, подождет твоя работа...

...— Ты высасываешь из меня все соки, — пошутил он, одеваясь чуть позже.

— Перестань прибедняться, в тебе этих соков на целую армию таких, как я, — ответила Майя, лениво развалившись на постели. Максим стал серьезным:

— Мне не нужна армия, надеюсь, ты больше не сомневаешься? Я люблю тебя.

— Ты слишком часто стал говорить это... Убеждаешь меня или себя?

— Хочу, чтобы ты знала. Ведь мы все реже бываем вместе.

— Ты занят, я понимаю.

Он сел рядом, положил руку ей на живот.

— Еще я очень хочу, чтобы вот здесь кто-то появился. Что говорит твой врач?

— Я должна пройти обследование до конца.

Настроение у Майи мгновенно испортилось. Она уже устала нервничать из-за все никак не наступающей беременности и смирилась, решив дожидаться вердикта гинеколога.

— Но пока все хорошо? — спросил Максим, испытующе глядя на жену.

— Да, — ответила она, вся сжавшись и мысленно умоляя его прекратить допрос.

Ей и так нелегко. Совсем недавно она перевернула свою жизнь, выйдя за него замуж, и еще не успела привыкнуть к новой реальности, как та снова изменилась. Она устала, устала! И только укоризненных взглядов и вздохов ей не хватает. А если она тоже бесплодна, как Юлия?!

— Ладно, мне пора...

Максим наклонился к Майе, намереваясь быстро чмокнуть ее в щеку или губы на прощание, но она ухватила его за шею и поцеловала по-настоящему да так, что они оба чуть не задохнулись.

— Ну нет, — он рассмеялся, чуть ослабляя узел галстука, — второй раз я уже точно не...

— Я лишь хотела показать тебе, что хороша не только как будущая мать наследника, — сказала Майя, чуть прищурив глаза.

Она уже хорошо знала, что так ее взгляд становится выразительнее и притягательнее.

— У меня нет в этом ни малейших сомнений, — отозвался Максим.

Проводив мужа до порога спальни, Майя бросилась к окну и следила, как его машина выезжает из гаража, движется мимо дома. Она не накинула на себя ничего и так и стояла обнаженная. Уже рассвело. Что, если он мельком посмотрит на окна и увидит ее? Ей так захотелось этого, что она, плохо сознавая, что делает, открыла окно и высунулась наружу. Однако Дорн уже добрался до ворот. Они медленно поползли, пропуская автомобиль, а Майя все стояла и смотрела ему вслед, забыв обо всем и почти не ощущая пронизывающего холода.

Пока не почувствовала на себе чей-то взгляд. Тогда она опустила глаза обратно к воротам и обомлела. Там, у калитки, стоял мужчина и пялился на нее! Майя тут же одной рукой прикрыла грудь, а второй захлопнула створку окна. Потом снова осторожно выглянула.

Он все еще был там, и теперь она его узнала.

— Здравствуй, Андрей.

— Варя, сколько лет, сколько зим!

— Да год всего.

Она подавляет улыбку: невозможно не поддаться его обаянию. Даже по телефону веет теплом. Но под кажущейся мягкостью и душевностью скрыт стальной стержень. При встрече Варвара видит это в глазах Андрея — холодно-серых, прозрачных, как вода.

— Что за предложение у тебя ко мне?

— Любопытное, Варя. Драться умеешь? Профессионально, я имею в виду.

Ей удивительно то, что она слышит. Потом интересно. А потом жутко.

Он говорит, что уже за время службы понял многое, а еще больше — когда оказался выброшен в обычную жизнь. Война — страшное и грязное дело, но в ней хотя бы есть правила.

У Варвары отняли все, что было ей дорого. Что у нее сейчас есть? Что будет? Что ее ждет? Андрей предлагает жизнь, уже знакомую и понятную. Предлагает риск и высокую плату за него.

А еще он просит об услуге.

— Дочь единственная, ее защищать нужно, но чтоб без грубости. Она ласковая очень, не хочу к ней парней своих приставлять. Во, смотри, какой зайчик...

Она думает, долго думает — и соглашается.

Переезжает в лагерь, где Андрей сколачивает себе отряд верных и надежных боевиков.

Ее учат драться и защищать себя.

Учат убивать.

Глава 3

— Ромка!

Артем с радостным воплем кинулся к брату.

— Погоди, ты не в офисе сегодня?

— Нет, Максим дал выходной, чтобы я с вами повидался и вещи из квартиры вывез.

Тёмка сдвинул брови:

— Значит, гадина тебя прогнала?

— Эй, давай без ругани, — осадил его Роман. — Ничего не попишешь, по закону она права.

— Ничего она не права! — вскинулся Тёмка. — Отцовское это все, а не ее!

— Ладно, ладно, повоюем еще, но позже. Где мама?

— Спит, наверное. Она когда рано-то поднималась?

— Как чувствует себя?

В голосе Романа слышалась тревога, и Тёмка вынужден был признаться:

— Фигово. Температура высокая.

Роман постарался скрыть свое беспокойство от младшего брата. Тот даже не представлял, насколько тяжело больна Соня, но от Романа ни она, ни Федор уже давно ничего не скрывали, исподволь готовя его к худшему. Вот только никто не ожидал, что сначала не станет отца.

— Дядя Максим только что уехал, — сказал Артем.

Да, Роман повстречал Дорна у ворот и даже перекинулся с ним парой слов. А еще видел его жену... Вот уж чего он совершенно не ожидал, но зрелище, надо сказать, было изумительное. К своему стыду, Роман даже на миг подумал, что Максиму такая молодая супруга как-то не по возрасту.

Когда в их первую встречу Роман вытащил девчонку из бушевавшей толпы, он ее даже толком не разглядел. Мелкая грудастая блондинка с кукольным личиком — вот, собственно, и все, что он мог бы сказать, попроси его описать Майю.

Но сегодня, когда он увидел ее в окне, обнаженную, с рассыпавшимися по округлым мягким плечам льняными волосами... Она сначала не заметила его — провожала взглядом автомобиль мужа. Наверное, они только что занимались любовью, и эта мысль возбуждала Романа сильнее всего. Он будто подглядывал за интимной жизнью двоих людей, и было немного неловко, но и влекло тоже.

А потом она уставилась прямо на него, и в лучах солнца вдруг полыхнули огнем ее глаза — не карие, а почти оранжевые, похожие на виденный им как-то темный янтарь.

Роману хотелось знать, что же есть такого в этой девочке, невзрачной на первый взгляд и в то же время роскошной, если присмотреться. Она ведь совсем не похожа на Юлю, но Дорн почему-то женился на ней.

Майя давно приняла душ, умылась и оделась у себя в комнате. К тому же она была страшно голодна, и в желудке уже начало урчать и покалывать. Но как спуститься, понимая, что внизу она наткнется на Романа Лисовского? Он видел ее голой! При одной мысли об этом Майю обдавало душной волной. Она же не сможет ни в глаза ему посмотреть, ни полслова сказать. А есть-то как хочется, боже ты мой! Какого черта он вообще явился, почему не в офисе?!

Она выглянула в коридор и прислушалась. Кажется, в гостиной. Баритон и совсем юный ломающийся басок что-то захлеб обсуждали, изредка рассыпаясь веселым смехом. Роман и Тёмка... Ох! Майя зажмурилась. А что, если старший брат рассказал младшему о дурочке, скачущей у окна голышом, и теперь они смеются именно над ней?!

Из спальни напротив вышла Лидия. Вид у нее был не такой озабоченный, как накануне, и Майя справилась о Соне.

— Лучше, лучше, — женщина заулыбалась. — Встала. Майя, а когда у вас завтракают?

Девушка в растерянности не знала, что сказать. Обычно Варвара, зная все привычки хозяев дома, командовала Диной.

— Лида, вы спуститесь в кухню, — предложила она, — найдите там Дину, полную такую женщину, и ей скажите, что нужен завтрак. Она все приготовит!

— Да как же я ей без вас приказ отдам? — недоуменно спросила Лидия.

Майя в отчаянии принялась кусать палец. Как проскользнуть через гостиную, минуя братьев Лисовских? И тут ей пришла в голову спасительная мысль — Кирилл!

— Лидия, вы не могли бы позвать Кирилла? Здоровый такой мужик, в доме болтается.

Та кивнула:

— Видала. На Сергея чем-то смахивает, водителя Федора...

— Вот! Зовите. Он на первом этаже.

С этими словами Майя юркнула к Соне, оставив Лидию с выражением крайнего изумления на лице.

Соня... не совсем встала. Вернее, она должна была встать, конечно, чтобы дойти до того места, где сейчас сидела. Сидела на полу и безостановочно водила рукой вокруг себя. Насколько Майя помнила рассказы Максима, именно в этом месте у окна он нашел мертвое тело Юли.

Заслышав шаги, Шубина подняла голову, и Майю поразило какое-то нездешнее выражение в ее глазах. Соня будто только что очнулась от транса и еще не до конца пришла в себя.

— Доброе утро, — осторожно поприветствовала ее девушка.

— Доброе утро, дорогая, — голос Сони звучал, как всегда, ласково и певуче.

— Тебе на полу не холодно?

Соня ответила не сразу, и Майя услышала совсем не то, что ожидала:

— Мне сегодня Юля снилась. Она стояла вот здесь. Максим сказал, ты теперь знаешь правду.

— Знаю, — Майя кивнула и предложила: — Может, встанешь? Завтракать пойдем...

— Она сказать мне что-то хотела... — продолжала вещать Соня, теперь глядя в окно на бескрайний морской простор, сегодня свинцово-серый, сливающийся с тяжелым низким небом того же оттенка.

Майя присела на край кровати, надеясь, что Соня все-таки не сходит с ума от пережитого потрясения, и она не услышит от нее сейчас эзотерических откровений о потустороннем мире.

— Сказать? — Майя неожиданно задумалась о том, что никогда никто не говорил ей, как звучала Юлия.

Она обернулась на портрет. Каком голосом говорила эта надменная женщина? Таким же звучным и низким, как у Федора? Или бесцветным и тусклым, как того требовала ее аскетичная натура?

— Она указывала на портрет, — сказала Соня. — Но я ее не поняла.

— Соня, давай встанем? Тебе надо поесть, — Майя подошла к Соне и обняла ее, помогая подняться.

Ее поразила худоба Шубиной: ребра можно было пересчитать пальцами, да и весила та, похоже, совсем мало. В дверь постучали, раздался голос Кирилла:

— Майя Аркадьевна, вы там?

— Входи, Кирилл! — отозвалась Майя и... приросла к полу.

Вместе с Кириллом в комнату вошел не кто иной, как Роман Лисовский, который, увидев хозяйку дома, тут же засверкал белозубой улыбкой.

Максим сдерживался изо всех сил, слушая Наталью.

Когда она заявила, что требует заморозить проект застройки на побережье, Дорн с радостью поддержал ее, рассчитывая в дальнейшем перенести площадку туда, где домики местных жителей мешать не будут. Тем самым, полагал он, будет исчерпан конфликт между обитателями городка и компанией, а гостиничный комплекс так или иначе будет построен и принесет прибыль.

Однако Лисовская пошла дальше. Она пригнала целую команду юристов, аналитиков и строительных экспертов, которые отыскивали огромное количество ошибок, нестыковок и неверных прогнозов во всех проводимых работах и вынесли вердикт — деятельность компании полна рисков. Их нужно устранить, предварительно остановив работы на всех фронтах.

— Наташа, ты в своем уме?! — возмущался Максим. — Ты разоришь нас!

— Судебные иски пустят по миру вернее, — парировала она.

На каком-то этапе этого бесплодного спора Дорн внезапно отчетливо понял, чего добивается Наталья — уничтожения предприятия. Настолько велика была ее ненависть к погибшему мужу, его детям и Софье, что она стремилась лишить их даже крошечного шанса на нормальную жизнь. Все, что создал Лисовский, что хотел он оставить своим наследникам, должно было быть разрушено.

Максим сдерживал Наталью всеми силами, накладывая вето на большинство ее решений, но она саботировала работу компании в мелочах, что так или иначе ставило под угрозу важные проекты. У Дорна опускались руки, он не знал, что делать, и лишь мысленно проклинал Федора. Отпустил бы Наталью, дал бы отступных, женился бы на Соне — сейчас и проблем бы не было!

В этом месте Максим обычно одергивал себя: почему, собственно, Федор должен был жениться на Шубиной? Если за столько лет он не сделал этого, значит, не хотел. С какого перепугу он и Юля решили, что Лисовский любил Соню? Возможно, она всего лишь была единственной, кто соглашался терпеть его чудовищный нрав, насилие и унижения, а они уж размышляли... А сам Дорн? Что, если и Юля ничего к нему не испытывала, просто он один принял ее такой, какой она была?

Этой меланхолией заканчивались любые попытки Максима разобраться в странном отношении Лисовских к миру и людям, после чего он прекращал рефлексировать и принимался действовать.

Дело, однако, шло к печальному финалу, и Максим видел лишь один выход удержаться на плаву — раздробить компанию, изъять свою долю и спасти деньги, но остаться, по сути, ни с чем. Уничтожить плод пятнадцатилетней их с Федором кропотливой работы, похоронить тридцатилетний труд отца и деда. Перспектива, нечего сказать... Построит ли он что-то новое, сможет ли?

Завтрак проходил в непривычной атмосфере праздника. На самом деле никто ничего не делал специально: не шутил натужно, не пытался острить, веселя присутствующих против их воли, и все же так хорошо и радостно на душе у Майи давно не было. Соня и Тёмка мило болтали о том о сем. Мальчик забавно фантазировал на тему своего будущего в ветеринарии. Роман изредка вставлял меткие комментарии и подкалывал, приглашая брата подискутировать с ним, но до настоящих баталий не доходило — оба знали меру либо берегли мать.

Соня почти ничего не ела. Под суровым взглядом Лидии она запихнула в себя несколько ломтиков ветчины, а потом нашла спасение в апельсине, невыносимо долго и тщательно очищая его, деля на дольки, смакуя каждую. Наконец пожилая дама устала следить за ней и ушла к себе, освободив Соню от своего надзора, чему та была несказанно рада.

— Чем ты займешься сегодня, Майя? — спросила она.

Майя, на протяжении всего завтрака занятая тем, что старательно прятала глаза, пытаясь не встретиться взглядом с Романом, с готовностью ответила:

— Поработаю в мастерской!

— Майя — художница, — объяснила Соня Роману, который с интересом прислушивался к их беседе, сидя рядом с матерью.

Майя поймала себя на зависти. Да, она завидовала несчастным парням, потерявшим отца и крышу над головой! Ведь у них была семья, был этот самый отец и пока еще есть мать. Майя наблюдала, как ласково глядит Соня на Тёмку, как треплет ему светлые волосы на макушке, как ее саму обнимает и целует Роман, и сердце щемило от тоски по тому, чего сама она лишена. После бабушки никто не дарил ей такой душевной теплоты. Возможно, Вика была права, и от Максима, который старше нее, она ждала в большей степени отеческой любви, нежели плотской, и отдаваясь ему, всякий раз ждала какого-то откровения, а оно все не наступало, и Майя жила по инерции дальше. В ожидании. Но ведь и Максим одинок. Он ничего не мог дать ей, потому что сам пуст. Его наполняли любовь к первой жене и ее любовь к нему. Не стало Юлии — источник иссяк. И если это так, то она, Майя, никогда не будет счастлива с ним.

Соня что-то спросила, но Майя не сразу услышала. Она так и сидела, не отрываясь глядя в пустоту, пока ее не потянул за рукав Тёмка — тогда только она очнулась и переспросила, чувствуя себя глупее некуда:

— Что?

— Можно ли посидеть с тобой, пока ты рисуешь? — повторила Соня. — Я часто наблюдала, как работает Ярик. Это так умиротворяет. Мне хочется увидеть, как рождаются твои странные птицы.

Майя не решилась отказать ей, но и ни капли не пожалела об этом. Соня свернулась в кресле возле окна, укуталась в плед и не произносила ни звука, ничем не отвлекая художницу.

Когда Майя в какой-то момент обернулась к Соне, оказалось, что та заснула. В этот час солнце уже обошло круг и теперь светило в окна мансарды, заливая ее мягким золотым светом. Майя как замороженная наблюдала за сиянием, которым была окружена спящая женщина в кресле, и ей захотелось немедленно запечатлеть эту картину в красках. Переноса на холст то, что видели ее глаза, Майя поняла две вещи: казалось, что таинственное свечение не просто окутывает Соню, а исходит от нее, а еще это свечение не было сплошным. Кое-где его плотность стремилась к нулю, оно истончалось и рвалось, утекая из Сони, как кровь из тела.

Этюд был закончен в ту минуту, когда последний луч солнца угас. Опустились сумерки, и Майя зажгла лампы. Соня медленно просыпалась. Она сладко потянулась, огляделась и удивленно спросила:

— Уже вечер? Боже мой, я весь день проспала!

— А я простояла у мольберта, — со смехом откликнулась Майя. — Удивительно, что нас не тревожили и не звали обедать. Твоя Лидия...

Она не договорила, поняв, что ее не слушают. Соня приблизилась к полотну и молча рассматривала. Майе стало неловко: она даже не спросила, хочет ли модель позировать, а просто взяла и нарисовала ее. Это было похоже на воровство. Но Соня не рассердилась, ничем не выказала недовольства и обернулась к Майе с выражением полнейшего восторга на лице:

— У тебя настоящий дар, моя дорогая!

Майя смущенно молчала, теребя в руках тряпку, которой обтирала кисти, а Соня, постояв еще мгновение, сказала:

— Пожалуй, мне хотелось бы, чтобы все кончилось так.

Потом она пошла к лестнице, осторожно спустилась, и вскоре снизу донеслись гневные восклицания Лидии, ругающей подопечную, решившую, очевидно, “голодной смертью себя извести”.

Постояв еще немного у портрета Сони и поломав голову над ее последними словами, Майя тоже покинула мансарду. И тут же наткнулась на Романа, идущего по коридору к главной лестнице. Она остановилась, уперев взгляд в пол и чувствуя, как в ушах молотом бьет пульс. Ей почему-то казалось, что молодой человек улыбается, но для того, чтобы проверить свою догадку, требовалось поднять глаза, а на это Майе не хватало смелости.

— Я приезжал повидать маму, а вы украли ее на весь день, — услышала девушка его мягкий, чуть насмешливый голос.

Потом он рассмеялся и добавил:

— Но она, похоже, очень довольна. Говорит, вы невероятно талантливы. Хотелось бы посмотреть...

Нет, нет, нет, она не пойдет с ним наверх!

— ...но мне нужно в город. Дела! А вы так и будете молчать? Если бы я не слышал ваш голос раньше, решил бы, что Максим женился на немой. Впрочем, он и сам немногословен. Надеюсь, вы не как та русалочка.

Тут Майя не выдержала и посмотрела на Романа.

— Русалочка?

Он вздернул брови:

— Не знаете сказку? Русалочка, отдав свой прекрасный голос, получила ноги и пошла за любимым, хотя каждый шаг резал ее будто ножами.

— Мне не нужно идти по ножам, чтобы быть с любимым человеком, — ответила Майя и сразу подумала, что это прозвучало не слишком любезно.

Роман усмехнулся:

— Не знаю, не знаю. Мне кажется, брак с Дорном то еще испытание.

Майя почувствовала, как запылали ее щеки, а потом и все лицо, а значит, она сейчас красная как помидор. О, ужас! И как он смеет вообще...

— Вам-то что об этом знать?

И тогда он наклонился к ней близко-близко, к самому уху, так что его губы почти коснулись волос Майи, и прошептал:

— Я еще никогда не видел, чтобы женщина *так* провожала своего мужчину. Вы слишком ему преданы.

Его голос и непроницаемые темные глаза гипнотизировали и лишали воли. Майя разозлилась и, резко отпрянув, воскликнула:

— Лучше бы своей матери это сказали!

Лицо Романа застыло, глаза сузились, и она испуганно втянула голову в плечи. Но Лисовский ничего не ответил на ее выпад, а только шумно выдохнул и прошагал мимо.

По ним бьют из всего огнестрела, какой только мог быть в распоряжении хорошо вооруженной банды. Она считает патроны “своего” стрелка: один, два, три, четыре, пять, шесть... Время ответить. Ребятам из головной тачки повезло меньше — положили очередями. Всех.

Вдруг за спиной вздымается пламя, а слева строчит, и она, перекатившись, валится в канаву. Ползет. В грохоте стрельбы не слышать собственных мыслей. Парни молодцы, не растерялись, хотя у них не было шансов.

Она ползет. Вперед, вперед, вперед. Там колесами вверх горит джип Андрея. Жив?

Она ползет и ползет, и нет конца этому пути.

Вот и машина. Пахнет паленым. Резина, пластик... Что-то еще. Ноздрей касается такая мерзкая вонь, что желудок сворачивается в спазме. Она не хочет думать о том, что это горит, потому что знает. В восемьдесят пятом узнала, когда разметало и выжгло их конвой.

Она доползает и слышит мерный стук. Ближе. Еще ближе. Жарко, нестерпимо горячо. Окно. Заперто. В стекло с той стороны кто-то со всей силы бьет маленькими кулачками. Лицо искажено от ужаса, рот раскрыт, но крика не слышно. Глазищи, полные слез. Серые глаза Андрея на лице маленькой девочки.

— Вниз, вниз! — кричит она и показывает рукой, даже не надеясь, что перепуганный ребенок сообразит.

Но девочка понимает и сворачивается клубочком, закрыв лицо. И она бьет со всей силы в это проклятое стекло прикладом...

Глава 4

— И все-таки я не понимаю, куда делась Варвара? — задумчиво глядя в потолок, сказала Соня.

Она лежала на кровати, закинув одну руку за голову и протянув вторую Лидии, которая легкими умелыми движениями массировала Соне кисть.

Майя сидела рядом и флегматично наблюдала за процедурой, внутренне отмечая, что, быть может, Соню и растили в полном подчинении, но служение принимать ее тоже научили. “Что Лисовский барин барином, что она, — думала Майя. — Интересно, *эта* была такой же?”

Эта глядела на девушку со стены непроницаемыми черными с холодным металлическим отливом глазами, и губы ее, тонкие и бледные, казалось, изгибались в усмешке, словно она хотела сказать: “Сколько ни бейся, не разгадаешь!”

— Майя, можно вас побеспокоить?

Лидия закончила с одной Сониной рукой и теперь должна была занять место Майи, чтобы массировать другую.

— Конечно, — Майя встала и обошла кровать, но не села, а задержалась у портрета.

Похоже, Грибокоть повторил трюк великого Леонардо: куда бы ни вставал наблюдатель, глаза Юлии следили за ним. Украдкой послав предшественнице полный неприязни взгляд исподлобья, девушка обернулась к Соне. Боже, какое обожание у той на лице. Как она так умеет? На это купится любой — вот все с ней и носятся.

Майя сама себя не понимала. Она ведь хорошо относилась к Соне, даже несмотря на ее преданность Федору! Однако с тех пор, как Шубина поселилась в особняке, в Майе откуда-то появилась и медленно крепла злость. Раздражала манерность Сони, ее кажущаяся хрупкость, чрезмерная изысканность, будто речь шла о женщине из другого века. Все это приковывало к себе взгляды, привлекало внимание, и вокруг Сони, казалось, вращался весь мир. Майя же рядом с ней чувствовала себя слишком грубой, простоватой, неотесанной. А неподдельное восхищение, которое Соня выказывала ее таланту, только питало растущее раздражение. И эта доброта и мягкость! Как она может быть такой, после всего, что случилось? После того, как едва выжила в автокатастрофе, осталась сиротой, выросла в семье, где насилие норма, и сама много лет была жертвой в постели деспота? Теперь ее вышвырнули на улицу, она лишилась галереи, а скоро распрощается и с жизнью, но лежит тут и блаженствует, ни о чем как будто не беспокоясь. Почему она, Майя, не может позволить себе того же? Тревога Сони за Варвару казалась и вовсе лишней. Вот уж кто явно не нуждался в участии и даже не заслуживал его!

— Что ты так печешься о ней? — Майя резко дернула плечом. — Я вот даже рада, что ее больше нет здесь.

Соня улыбнулась чуть виновато:

— Варвара была с тобой не слишком дружелюбна? Так и не смогла переступить через себя.

— Не понимаю ее одержимости Юлией, — призналась Майя. — Максим говорил, что она знала обоих Лисовских еще детьми, но...

Она помедлила, не зная, стоит ли рассказывать Соне о последнем столкновении с безумной экономкой, но все-таки решилась:

— Однажды Варвара пообещала сломать мне руки, если я трону статую Юлии. Это было в тот вечер, когда Максим помчался за мной в городок на митинг по поводу стройки, а эту каменюку за каким-то чертом приволок в дом. Я была так зла, что замахнулась на нее, и Варвара заломила мне руки за спину. В жизни бы не подумала, что у старухи столько силы и сноровки. Где она этому научилась?

Соня страшно побледнела при упоминании о митинге, и Майя запоздало вспомнила, что Федор тогда послал за ней в толпу родного сына, после чего Шубина угодила в больницу с тяжелейшим приступом.

Лидия гневно зыркнула на Майю. Как же, растревожили ее птичку. Ах нет, не птичку — она называет свою ненаглядную подопечную рыбонькой. Нелепость какая...

— Варвара очень преданный человек, — сказала наконец Соня, справившись с дурнотой. — Ее не назовешь душевной или доброй, но она верная и всем пожертвует, лишь бы помочь тому, кому служит. Она мне жизнь спасла однажды, собой рисковала.

— Вот как? — изумилась Майя.

Максим не упоминал, как именно выбралась из горящей машины Соня. Хотя, возможно, он и сам не знает всего.

— Когда мне было восемь, родители погибли в автокатастрофе. Сгорели заживо в машине. Я была с ними.

— Максим рассказывал. Я сочувствую тебе.

— Так вот, — продолжала Шубина, — я разделила бы их участь, если бы не Варвара. Она вытащила меня. Смотри...

Соня вытянула руку, провела пальцем по нежной коже предплечья, и Майя увидела тонкий белесоватый шрам, а рядом еще один. Сейчас длинные полосы с трудом можно было различить на белой коже, но когда-то они были рваными царапинами, и девушку затошнило, едва она представила, как это выглядело на детских ручках.

— Варвара разбила окно в машине, но расчищать отверстие не было времени, и она просто вытянула меня за руки. Все было в крови, мы обе сильно порезались. — Соня говорила с привычной улыбкой, и от этого Майе становилось еще страшнее.

Она посмотрела на Лидию. Та невозмутимо заканчивала свой массаж, но по сдвинутым бровям и напряженному рту, было видно, что и ее история не оставила равнодушной.

— А потом она отнесла меня к Лисовским, — закончила Соня. — Меня оставили в их семье. Вскоре умерла мать Юли и Феди, и Варвару приставили к ним. Больше к Юле, конечно... Варвара не отходила от нее. Ко мне она тоже всегда была очень добра, называла принцессой... — Соня окончательно погрузилась в воспоминания, ее взгляд затуманился. — Но Юлю она боготворила! Смотрела ей в рот, выполняла любой приказ. Хоть Юля никогда и не злоупотребляла этим, ее власть над Варварой была, как мне казалось, безграничной.

— Да почему же? — Майя силилась понять, но в рассказе Сони ничто не помогало узнать ответ.

Что-то вертелось в голове... Черно-белый снимок девочки в далеком афганском городе... Надо показать его Соне. Может быть, она знает, что случилось с Варварой.

— А кем была Варвара при твоих родителях? — спросила она. — Нянькой твоей?

Соня перевела на нее взгляд:

— Что-то вроде того. Она всегда была рядом, сколько себя помню. Но не играла со мной, а...

— Что?

— Охраняла. Став постарше, я поняла это. Варвара меня охраняла.

— От чего? — Майя ощутила знакомый зуд любопытства. — Или от кого?

Но вместо ответа Соня подняла глаза на Лидию, и та встала.

— Соня устала, Майечка, дадим ей отдохнуть.

Раздосадованная Майя поднялась с кровати, глядя, как Лидия суетится вокруг Шубиной, накрывая ее пледом. Эта привычка Сони ничего не говорить прямо, а искать помощи у тех, кто скажет за нее, тоже начинала бесить. Кто и как вышибал из нее способность отстаивать себя? Неужели Федор, будучи старше, ломал ее с детства? А куда же смотрела Варвара? Ах, на

Юленьку молилась. Но ведь еще был отец. Отец Федора и Юлии. Что он был за человек, как позволил сыну стать тираном, а дочери превратиться в мазохистку?

Максим появился лишь поздно вечером. Соня уже спала, поэтому к ней он, к удовольствию Майи, не стал заходить, а сразу же оказался в распоряжении соскучившейся по любовным ласкам супруги. Однако в ожиданиях своих Майя была жестоко обманута.

— Прости, золотце, устал как собака, — простонал Максим, целуя ей руки, но не делая попыток обнять льнувшее к нему разгоряченное неутоленным желанием тело.

— Не понимаю, зачем тебе сидеть в офисе целыми днями? — с неудовольствием спросила Майя.

— Все из-за Наташи, она сама не понимает, что рубит сук, на котором сидит, но жажда мести ей глаза застит. Теперь у нас война законников. Днем она подписывает и выпускает идиотские распоряжения, а вечерами я и адекватные юристы компании все это проверяем и перечеркиваем.

— Театр абсурда, — буркнула Майя. — Позволь хоть лечь с тобой, Максим!

— Любовь моя, мне нужно выспаться, — с этими словами муж поцеловал ее и исчез в своей комнате.

Разочарованная донельзя, Майя ушла к себе. Впервые они не совпали. Обычно Максим распался и медленно, но верно доводил до высшей точки, где они и встречались. Теперь же она была давно готова, а он... Он ей отказал! В сентиментальных романах, воспитавших чувственность Майи, единственным препятствием, мешавшим любовникам наслаждаться друг другом, была головная боль героини. О случаях “головной боли” у мужчин Майя читать и слышать не доводилось, как и о том, что при этом делать даме. Поразмыслив, она выбрала единственный, показавшийся разумным, способ снять напряжение...

...И все прошло прекрасно, за исключением одного: в миг кульминации перед глазами Майи возникло лицо Романа Лисовского, а в ушах раздался его бархатистый смех.

Полночи Майя не спала, ворочаясь в постели, и поднялась на рассвете, надеясь хоть утром перехватить Максима. Ее изумлению не было предела, когда она не нашла в своих спальнях ни его, ни Соню. Оба обнаружили в столовой, где Максим, вопреки обыкновению завтракать поздно, уже набивал желудок сырниками Дины, а Шубина томила над чашкой кофе и очередным апельсином. Майя подумала, что при таком раскладе голод убьет Соню раньше болезни, и с нарочито милой улыбкой подошла к столу.

— Доброе утро! Не знала, Соня, что и ты жаворонок. А ты, мой милый, изменил привычке и решил позавтракать с раннего утра?

С этими словами Майя скользнула к мужу на колени и впилась ему в губы самым страстным поцелуем, на какой только была способна. Что ж, может, она и не такая умелая актриса, как Соня, и играет менее тонко, но зато четко и ясно обозначает свою территорию.

— Режим дня стал другим — пришлось менять привычки, — сказал Максим с растерянным видом.

Соня же, подавив улыбку, склонилась над чашкой. У Майи возникло неприятное чувство, что эта женщина читает ее как раскрытую книгу и наперед видит все, что придет девушке в голову.

Сунувшаяся в столовую Дина, обнаружив, что за столом появился третий едок, ушла за новой порцией сырников, и вскоре Майя наслаждалась очередным кулинарным шедевром поварахи. В какой-то момент она подняла глаза и встретила взгляд Максима. Он смотрел на нее с загадочным выражением лица, и вдруг она вспомнила: их первая встреча, первый совмест-

ный завтрак. Они тогда тоже ели сырники! Ее затопила волна нежности. Связь между ними становилась все теснее и крепче. Майя почувствовала, как рука мужа под прикрытием свисающей со стола скатерти добралась до ее колена и чуть сжала. “Прости за эту ночь”, — говорили его пальцы. И она послала ему полный теплоты и понимания взгляд. Конечно, она прощает.

Только тут она заметила, что Соня наблюдает за ними, оперев подбородок на сложенные руки и чуть не плачет.

— Вы такие чудесные, — сказала Шубина. — Просто душа радуется, когда вас видишь.

Атмосфера стала гораздо более непринужденной, и завтрак доставил Майе неожиданно большое удовольствие. Соня не упустила возможности рассказать Максиму о написанном Майе с нее портрете и не могла сдерживать восторгов, расписывая талант его жены.

— А меня ты никогда не рисовала! — с некоторой обидой заметил Дорн.

— Рисовала! — тут же возразила Майя. — Еще в самом начале, когда мы только встретились.

— И где этот портрет? — живо заинтересовалась Соня.

— Да, хотелось бы посмотреть, — поддержал ее Максим.

Майя растерянно переводила взгляд с одного на другого.

— Кажется, он так и остался в интернате. Я думала, что собрала все свои работы, но, возможно... Я могу посмотреть. Думаю, мне разрешат пройти туда.

— Не стоит тебе ходить в свой городок, — Максим поморщился.

— А с Кириллом?

На это Дорну нечего было возразить.

— Тогда решено, сегодня же навещу родные пенаты! — поставила Майя точку.

Они долго не могли распрощаться, целуясь без остановки, как в былые времена, когда только стали близки и не могли насытиться друг другом.

Когда Максим наконец уехал, Майя, запахнув поплотнее пальто, пошла к крыльцу, на котором ее ждала Соня. Она была очень бледна.

— Тебе нехорошо? — обеспокоенно спросила Майя.

Та покачала головой:

— Небольшая слабость, но в целом сносно. Пройдемся по саду?

— Если ты уверена в своих силах...

— Майя, Майя, — Соня взяла ее под руку и мягко повела вглубь переплетения ветвей. — К чему врать себе? С каждым днем мне будет только хуже, время истекает. Так зачем же отказывать себе в удовольствии прогуляться, пока я еще могу?

Они медленно шли мимо совсем уже оголившихся ветвей, осторожно ступая по подернутому инеем покрову из полусгнившей листвы. Зима наступала, дыхание обеих вырывалось изо рта облачками пара. Майя поежилась, но Соня, казалось, не ощущала холода. Они дошли до решетки в глубине сада, за которой начинались скалы.

— Вы изумительная пара, — произнесла вдруг Шубина. — Совершенно разные и никогда не должны были быть вместе, но что-то свело вас. Где именно вы встретились?

Майя указала рукой туда, где извилистая тропа убегала вниз.

— Где-то там. Я пыталась запечатлеть восход солнца, поймать свет, а Максим вышел из-за камней и наблюдал за мной. Потом он пригласил меня на завтрак. Потом на ужин. Мы как-то быстро сблизились.

— Он искал утешения, — Соня кивнула каким-то своим мыслям. — Но тебя он любит, я вижу это. Помоги ему, пожалуйста.

— Я стараюсь, — сказала Майя в ответ.

— Что с твоей беременностью? Извини, что спрашиваю, — Соня мягко улыбнулась, и Майя передумала обижаться за неуместное любопытство.

— Я здорова. На днях получу последние результаты анализов и пойду к врачу.

— У вас обязательно все получится, — Соня приобняла Майю, и ту охватило странное чувство.

Шубина по-прежнему раздражала ее, но в то же время исходившее от нее материнское тепло дарило радость, и от смеси столь противоречивых эмоций Майю начало грызть чувство вины. Они двинулись назад.

— Знаешь, Максим так заботлив с тобой, так оберегает. Приятно смотреть, как вы обнимаете и целуете друг друга. Это спокойная, тихая любовь, но она дороже самой бурной страсти.

— А с Юлей у него была страсть? — решила спросить Майя.

Соня помолчала, задумавшись, потом ответила:

— Они с Юлей... Ты знаешь, они почти не касались друг друга. Держались за руки, разве что. Но при этом у них горели глаза. Да, страсть. Бешеная, неутолимая.

Майя покраснела и опустила голову, и Соня снова обняла ее за плечи.

— Прости, что говорю это, но... Что поделать? Так было. Это прошлое, от него никуда не деться.

Она посмотрела на Майю и мягко взяв за подбородок повернула к себе ее лицо:

— А тебе я даже завидую немного.

— Ты — мне?! — у Майи не было слов, а Соня посерьезнела и кивнула:

— Мне не довелось испытать покоя, безмятежности. Всегда борьба. Я очень устала.

— Ты имеешь в виду Федора? — осторожно спросила Майя и увидела, что глаза Сони в ту же секунду наполнились слезами.

— С ним было больно, — прошептала Шубина. — Хотя, ты знаешь, сейчас я отдала бы что угодно... согласилась бы на любую боль, лишь бы он вернулся.

Майя не знала, что сказать на это, и какое-то время они шли молча. Уже возле крыльца Соня нарушила тишину:

— Я всегда думала, что уйду раньше них всех. И вот, я жива, а Юли и Феди уже нет. А в них было столько силы, столько жизни... За что судьба с ними так обошлась?

Произнеся это, она отвернулась и, прибавив шаг, почти взбежала по ступеням. Дверь распахнулась, и показалась Лидия, очевидно, вышедшая на поиски своей “рыбоньки”. Возмущенно проворчав что-то о слишком легкой одежде для такого свежего утра, она увела Соню в дом.

После обеда Майя, как и собиралась, отправилась в интернат. Упросив Кирилла оставить автомобиль где-нибудь подальше от людных мест, чтобы не провоцировать сплетни, она в сопровождении охранника пошла пешком. Уже через полчаса присутствие за спиной крепкого парня больше не казалось излишеством: встреченные на пути люди подозрительно косились на девушку, хотя многие из них ее прежде не встречали. Было ли дело в дорогой одежде или в телохранителе, а может, кто-то все-таки узнал в Майе жену одного из владельцев скандальной компании, а только всю дорогу до интерната Майю не покидало очень и очень неприятное ощущение отторжения. С тоскливым вздохом она вынуждена была признать: связь с родным городком постепенно слабеет и скоро разорвется вовсе.

Взгляд скользил по лицам прохожих, ни на ком не задерживаясь, но внезапно зацепился за знакомый логотип охраны коттеджного поселка. Майя пригляделась и поняла, что видит Юрия, одного из местных жителей, работавших на пропускном пункте и по совместительству интимного друга цветочной королевы городка Ларисы. Она и сама стояла рядом, и вдвоем с Юрием они о чем-то горячо спорили с третьим человеком, вернее, третьей — бабой Нюрой, Анной Васильевной, матерью Юрия.

Пытаясь привлечь внимание Ларисы, Майя помахала ей, но вместо радости на лице той вдруг отразилось замешательство, а потом нечто похожее на панику. Лариса дернула любов-

ника за рукав, указала ему на Майю, и оба они быстрым шагом направились прочь. Анна Васильевна осталась на месте, но, увидев, что Майя двинулась к ней, тоже поспешно ретировалась.

В полнейшем недоумении Майя огляделась, однако троицы уже и след простыл. Она немного подумала и решила, что Юрий, должно быть, покинул рабочее место самовольно, а увидев ее, испугался, что на него донесут. Майя же и понятия не имела, чья сегодня смена, и уж тем более не стала бы жаловаться, но разбираться в мотивах поведения Юрия, его матери и Ларисы ей было некогда, и она продолжила свой путь в интернат.

Здание, в котором Майя провела остаток детства и юность, встретило их с Кириллом тишиной во дворе и гулким эхом шагов в пустых коридорах. Это было странно, ведь до каникул, когда ребят могли отправить в какой-нибудь зимний лагерь, было еще далеко.

— Подожди здесь, — велела Майя охраннику, собравшись подняться по лестнице, но тот возразил:

— Нет, Майя Аркадьевна. Максим Евгеньич приказал хвостом за вами ходить, невзирая на ваше мнение по этому поводу.

Препираться с Кириллом Майе не хотелось, и она равнодушно махнула рукой.

— Пойдем тогда.

Дойдя до кабинета директора, она остановилась на мгновение. При виде так и не снятой таблички с именем покойной Ольги Михайловны в носу защипало. Неужели до сих пор никого не назначили новым директором? Или решили дождаться окончания учебного года?

Сделав глубокий вдох, Майя постучала. В ответ раздалось:

— Войдите!

Она нажала на ручку двери и вошла.

— Полина Германовна!

Да-да, за бывшим столом Зарубиной сидела сейчас одна из самых добрых и душевных педагогов, которых Майя знала в своей жизни, — Полина Германовна, учительница русского языка. Все такая же пышная, все с той же неаккуратной пережатой завивкой в волосах, вот только очень уставшая и какая-то постаревшая.

— Майя? Вот это сюрприз!

Полина Германовна торопливо выбралась из-за стола, подошла к девушке и обняла ее. Майя чуть не прослезилась. Как славно, что именно эту женщину она встретила первой, вновь войдя в интернат.

— Какими судьбами? Может, чайку? — Полина засуетилась, но тут заметила в проеме двери Кирилла и удивленно взглянула на Майю.

— Ой... А говорили, ты за Максима Дорна вышла...

Майя рассмеялась и жестом показала охраннику, чтобы спрятался с глаз долой и не пугал честной народ.

— Так и есть, мы с Максимом поженились, а это... ох... Водитель мой, пока я машину не научусь сама водить.

— И телохранитель, наверное, — Полина Германовна грустно усмехнулась. — Не любят вас здесь теперь, Майя.

— Нас? — переспросила девушка. — Ни я, ни мой муж не имеем отношения к махинациям с домами жителей. Это все Федор Лисовский, так и надо сказать людям!

— Да оставь, им разве что-то докажешь? — учительница замахала руками. — Люди простые, им сказали, они и верят.

— Кто сказал? — Майя недоуменно уставилась на Полину, а потом прищурилась: — Стойте, Полина Германовна, вы намекаете, что стройку нарочно саботируют, распуская какие-то слухи?

— Ничего не знаю, ничего! — Полина замотала головой и указала на стул: — Присаживайся.

Пока она доставала чашки, ложки и разливала чай, Майя огляделась. В кабинете все осталось таким же, каким было при Ольге Михайловне.

— Полина Германовна, а вы теперь директор здесь?

— Обязанности исполняю. Временно. Детишек вот уже увезли, осталось с материальной базой разобраться, — ответила учительница.

— Что значит... увезли детей? — переспросила Майя. — Куда, почему?

Полина Германовна наконец села на стул и печально взглянула на девушку своими круглыми, похожими на совиные, глазами, в темной глубине которых таилась, казалось, вся скорбь этого мира.

— Расформировать нас собрались, Майя.

Ждать до вечера, когда Максим снова приползет уставший и не способный ни к каким дискуссиям, Майя не захотела, поэтому Кириллу был немедленно отдан приказ везти хозяйку в городской офис компании.

— Ты же знаешь, где это? — уточнила девушка на всякий случай и даже не очень удивилась, услышав в ответ:

— Дак меня Федор Владимирович там и беседовал...

Сильный, но не слишком умный Кирилл взял и спалил своих боссов, и теперь Майя знала, что этого “красавца” со взглядом Франкенштейна нанял вовсе не Дорн, а сам Лисовский. По просьбе Дорна, разумеется, но все же именно Федор. Как ни странно, Майю эта мысль даже порадовала. Неприятно было думать, что ее муж якшается с подобными Кириллу типами а вот знакомство с ними Федора Лисовского казалось вполне закономерным.

С замиранием сердца Майя предвкушала, как увидит наконец средоточие власти Лисовских и Дорнов, воображая чуть ли не застывшие ледяные чертоги, усеянные шипами и непролазными переплетениями каких-нибудь невообразимых архитектурных конструкций. На деле же перед ней возникла обычная, хотя и очень высокая, башня из металла, стекла и бетона. Впрочем, выглядела она на фоне окружающих построек все равно впечатляюще.

Проблемы начались уже на входе: сторожевой корпус в лице троих черберов мужского пола и двух прелестных нимф на ресепшн новую супругу Дорна в лицо не знал, а потому сюрприза не получилось — Максиму доложили о приходе Майи еще до того, как она поднялась на этаж, где располагался его кабинет. Представив жену секретарю Леночке, Дорн проворно взял Майю под локоток и утащил к себе.

— Что за авантюры? Почему не предупредила, что едешь, и вообще — зачем ты здесь?! — нервно набросился он на нее.

Майя молча окинула взглядом кабинет: просторный, комфортабельный, весь стол завален документами... От вида из окна захватило дух, но голос мужа вернул ее на землю:

— Майя, ты слышишь?!

Она насуплено поглядела на него. Поди, если б вот так же приехала Соня, он бы не ворчал, а организовал бы чай для дорогой подруги! Впрочем, она несправедлива: вдруг Максим и впрямь занят?

— У меня важное и срочное дело, и я не хотела ждать до вечера. Ты слишком устаете к тому времени.

Максим скрестил руки на груди:

— Что стряслось?

— Во-первых, я добыла твой портрет, — Майя решила начать с приятного. — Кирилл поднимет его, если пожелаешь. Здесь он хорошо будет смотреться.

— Посмотрим, — Дорн склонил голову набок. — А во-вторых? Есть что-то действительно важное, Майя?

А изображение написанное рукой любимой жены, ему, стало быть, не важно!

— Интернат, в котором я воспитывалась, расформировать хотят. Уже почти все кончено, но есть шанс его сохранить.

Брови Максима взмыли вверх:

— Прости, а при чем тут мы с тобой?

— Я подумала... — Майя теребила пальцами обивку кресла, в котором сидела, не замечая, что оставляет на ней некрасивые глубокие борозды.

— Оставь в покое ткань и объясни нормальным русским языком, — скомандовал Максим, и она, вздрогнув, сцепила пальцы рук в замок.

— Если интернат закроется, то все учителя потеряют свои места, и им придется искать работу далеко от дома. А еще те родители, чьи дети находятся в интернате временно, могут лишиться возможности видеть их, потому что воспитанников рассовывают куда ни попадя.

— Так. И что?

— Все это происходит, потому что в бюджете нет денег на содержание интерната, а их не выделили, потому что Ольга Михайловна... — Майя прикрыла глаза, но сдержалась. — Ее больше нет, и некому выбивать деньги, и проще закрыть интернат...

Она окончательно сбилась и сникла.

— Ты думаешь, деньги благотворителей спасут положение?

— Не знаю, возможно. Может, организовать фонд?

— Майя, зачем это нам? Зачем это тебе?

— Но это мой городок, мои земляки, я хочу для них что-то сделать!

Она посмотрела в бесстрастное лицо мужа и с обидой воскликнула:

— Ты же сам финансировал интернат!

Дорн тяжело вздохнул:

— Нет, Майя. Мне это больше не интересно.

Его ответ был тихим, но твердым. Майя так и осталась с раскрытым ртом.

— Почему?

— Потому что я вообще никогда не хотел заниматься благотворительностью. Извини. Я уже говорил, что не идеален, что бы ты там себе ни напридумывала.

— Но ты ведь делал это, жертвовал деньги!

Он грустно посмотрел на Майю и ответил:

— Не я. Это всегда была Юля. Она десять лет перечисляла огромные суммы на содержание приюта, и после ее смерти я делал то же самое по инерции, — он развел руками. — В память о ней, не знаю... Но содержать интернат, фонд и отвечать за судьбы детей и педагогов... Прости, нет. Не хочу.

— То есть как... Юля? — непонимающе спросила Майя. — Почему Юля? Зачем?

Максим внимательно посмотрел на нее:

— Ты что же, считаешь Лисовских такими монстрами, что не веришь, будто один из них мог бескорыстно помогать людям? Я ведь уже говорил тебе — в нашей паре слабым и никому не нужным звеном всегда был я. Юля же... Юля была нужна очень многим. Считаю, что ты поступила в свою академию благодаря ей.

От растерянности Майя не знала, что сказать, но тут дверь кабинета распахнулась и вошла женщина, уже знакомая девушке: Наталья Лисовская. Все такая же ухоженная и со вкусом одетая, но казавшаяся слишком грубой по сравнению с изящной, как статуэтка, Соней. И почему Федор сохранял их брак столько лет, если не любил жену?

Увидев гостью, Наталья издала ехидный смешок:

— Это кто у нас тут? Майя, если не ошибаюсь? Помню, помню — юная художница! Максим, что ж ты так долго прятал свою прелестную супругу? Ни на свадьбе я не была, ни поздравить тебя возможности не имела.

Максим промолчал, а Майя только пискнула:

— Здравствуйте.

— Надо нам как-нибудь всем вместе поужинать, что ли... — сказала Лисовская и повернулась к Дорну. — Через пятнадцать минут совещание по “Парусу”.

— Иду, — коротко бросил Максим.

Майя не знала, что такое “Парус”, но поняла главное: разговор с Максимом окончен. Она вышла из кабинета и уже хотела спускаться, как вдруг ей в голову пришла блестящая идея. Через пять минут на стол Леночки легла записка с указанием передать ее Дорну, когда закончится совещание, а саму Майю Кирилл вез к городской квартире. Раз Максим так устает, что не в силах уделить жене время дома, то до квартиры-то он в состоянии добраться чуть менее уставшим?

Предвкушая встречу с мужем, который, получив записку, непременно явится на свидание с ней, Майя, оставив водителя в машине, поднялась на лифте и вошла в квартиру. Как хорошо, что у нее при себе есть ключи!

Повсюду стояли какие-то коробки, и поначалу это удивило Майю, однако спустя секунду она решила, что Максим должно быть упаковал какие-то вещи, нужные ему в особняке, либо наоборот отвез сюда то, чем не пользуется там. Все это было неважно, неважно! Майя поднялась по лестке наверх, разлеглась на широкой кровати и принялась ждать мужа.

Глава 5

Телефон гудел прямо в ухо, вибрировал, щекоча кожу, но только когда он ощутимо нагрелся, Майя наконец проснулась. В первую минуту она не поняла, где находится, и пошарила вокруг руками, ощупала себя. Затем сообразила, что лежит на кровати одетая, и вспомнила, как решила устроить мужу сюрприз и оставила ему в офисе записку, в которой просила ехать вечером не в загородный дом, а в квартиру. Оказывается, она заснула, пока ждала — отлично, нечего сказать. Который час, интересно? Плотные шторы на окне задернуты так, что и не понять, а вокруг полумрак. Зато внизу горит свет, а разве она его включала, когда вошла?

Телефон все надрывался, и Майя поглядела на экран. Максим. Неужели хочет сказать, что не успевает?!

— Да, Максим, — пробормотала она в трубку, по-прежнему лежа на спине и шевеля ногами, разминая их.

— Ты где?! — спросил он нервно.

Зачем спрашивает? Еще не читал записку?

— Здесь, — она улыбнулась, — жду тебя...

— Где, в квартире?! Уходи оттуда! — воскликнул он, но Майя даже не успела возмутиться или удивиться, потом что уже села на кровати и увидела в кресле напротив силуэт человека. Ужас сковал ее, мобильник выпал из разжавшихся пальцев. В ту же секунду раздался щелчок, и в торшере у противоположной стены вспыхнула лампочка, осветив расплывшееся в издевательской усмешке лицо Романа Лисовского.

Тёмка, шурясь, пытался разглядеть, кто это к ним приехал. Мужик какой-то. Не Ромка — в свете придомовых прожекторов сверкнула блондинистая шевелюра. Максим? Тачка не его. И не бугай, который возит Майю. Устав гадать, мальчик выскочил из комнаты и метнулся к лестнице. Посетитель как раз входил в гостиную в сопровождении Дины, шумно переводящей дыхание. И почему Максим не заведет кого-то двери отпирать? Этой тетке явно тяжело туда-сюда бегать.

— Сейчас справлюсь, где там Софьюшка Андреевна, — проговорила Дина и пошла к лестнице, но увидела наверху Артема и обрадовалась:

— Ой, Тёмочка, ты не мог бы мамочку позвать? Гость к ней.

Он и сам уже понял, что это к матери, потому что узнал типа, как-то приходившего к их дому и дарившего Соне цветы. Артем видел обоих из окна, а так как на зрение никогда не жаловался, то отлично разглядел и мужика, и страстные поцелуи, которыми он обменивался с мамой.

— Сейчас, — буркнул он.

— Скажи, что Олег пришел! — донесся до него голос мужчины.

“Олег, хренолег, да пошел ты!” — зло думал парнишка, стуча в дверь Сониной спальни. Хоть бы она спала! Не нужны им никакие олеги!

Но Соня не спала и даже была относительно бодра. Услышав имя пришедшего, она тут же вскочила и, накинув шаль, поспешила вниз.

— Как же хорошо, что я не пришел с дамой, — с наигранной веселостью сказал Роман.

— Вы что делаете здесь? Откуда у вас ключи?! — возмутилась Майя.

Девушку трясло от пережитого потрясения: нервировала сама мысль, что наглец Лисовский вот так сидел и разглядывал ее спящую.

— Ключи дал мне Максим, любезно предоставивший свою квартиру во временное пользование, пока я не найду себе подходящее жилье, — спокойно пояснил Роман.

Майе показалось, что ему доставляет удовольствие говорить нарочито медленно и размеренно, словно он понимал, что это еще сильнее злит ее.

— Разве муж вам не сказал? — продолжал между тем юноша.

— Нет.

— Но вы же видели внизу коробки с моими вещами?

— Откуда я могла знать, что это такое? Не имею привычки совать нос куда не просят.

— Ой ли! — развеселился Роман. — Не вас ли я спасал от разъяренной толпы селян недавно? Хотите сказать, туда вы сунулись по чьей-то просьбе?

От возмущения Майя буквально онемела. Она казалась себе героиней одного из идиотских дамских романов, а вот Лисовского ситуация, похоже, забавляла. Что там дальше? Где тот самый переход от наиглупейшего положения, в котором персонажи оказываются волею судеб, к лютой ненависти и далее к неземной страсти? Щеки обдало жаром — о чем она думает?!

— Знаете, так увлекательно просто смотреть на вас, — произнес Роман. — Ваше лицо отражает все эмоции и чувства, тончайшие нюансы. Вы художница, а должны были бы стать актрисой. Очень богатая мимика.

— Хватит издеваться надо мной! — завопила Майя, перестав себя сдерживать. — Пробрался сюда, сидел и смотрел, хотя мог просто разбудить! Как только совести хватает сейчас шутить?!

Он перестал улыбаться:

— Простите. Я действительно поступил неправильно. Следовало как-то обозначить свое присутствие. Максим, наверное, просто не успел сказать вам: мы с ним только позавчера обсуждали мой переезд. Видите ли, пришлось срочно освободить квартиру, где я жил до этого.

Его речь лилась плавно и спокойно, и клокочущая в Майе ярость начала понемногу утихать.

— Неужели не оплатили аренду? — съязвила она, но Роман оставался серьезным.

— Квартиру подарил мне отец, но оформлял при покупке, увы, на себя. Никто же не предполагал, что вот так все обернется. Его жена меня попросила оттуда.

Майя почувствовала сожаление. Зачем она наорала на Романа? Сама виновата — притащилась без спроса, сюрприз захотела, дурочка...

— Вы меня тоже простите, — сказала она смущенно. — Я сглупила. Вдруг бы вы и впрямь явились не один, а на кровати спит какая-то женщина... Ваш вечер был бы безвозвратно испорчен.

— Не думаю, — возразил он. — Вышла бы отличная комедия положений.

Майя хихикнула, но Роман не поддержал ее, и повисло молчание. Она заерзала и слезла с кровати.

— Пожалуй, пойду. Меня водитель ждет.

— Я провожу, — Роман тоже поднялся и зашагал по лестнице впереди Майи, страхуя ее.

— Честно говоря, лестница ужасная, — сказал он, когда они очутились внизу. — Максиму я в этом не стал признаваться, но себе в жизни такую не поставил бы.

— Он был очень молод, когда обустраивал квартиру, — отозвалась Майя. — Я бы сказала, что здесь многое не соответствует общепринятым понятиям об уюте.

— А в загородном доме вам все нравится? — спросил Роман, глядя Майе в глаза.

Она замерла, вновь поддавшись странной гипнотической силе его взгляда. Он был очень высоким и пока еще худощавым, но не было сомнений, что со временем раздастся и станет полной копией своего отца. Чистокровный Лисовский. Любопытно, как выглядят оставшиеся двое детей Сони и Федора, которых она еще не видела?

Роман терпеливо ждал ответа, нужно было что-то сказать.

— В доме... да... Он очень старый, там много всего намешано, но мне в нем довольно комфортно.

Майя помолчала и добавила:

— И окрестности там живописные — рай для творчества!

Роман ничего не ответил, и она вдруг почувствовала себя очень неловко, будто засиделась в гостях, а хозяйева слишком тактичны, что прямо попросить припозднившихся на выход.

— Мне пора. До свидания, Роман.

— До свидания. Рад был встрече, — ответил он с легким поклоном и распахнул перед Майей дверь.

Спустившись на улицу, она обнаружила у своей машины непринужденно беседующих Кирилла и Максима.

— Вот и ты! — воскликнул Дорн, увидев жену. — А я тут мерзну уже минут десять и все думаю, идти ли уже убивать вас или нет.

— За что... убивать? — Майя оторопела.

— Как за что? За прелюбодеяние. Вы с Ромкой столько времени там вдвоем просидели! — ответил он с усмешкой, но, взглянув в ее полные ужаса глаза, расхохотался. — Да шучу я, золотце! Полежай в салон. Или со мной поедешь?

— С тобой!

Майя прильнула к Максиму, обхватив его обеими руками. Он поцеловал ее в макушку и вздохнул:

— Балда... И как тебе на ум пришло только? Впрочем, это я виноват: надо было сказать сразу. Не сердись?

Она помотала головой, нырнула в машину и, дождавшись, пока Максим усядется, уткнулась ему в бок, свернувшись на сидении, как котенок.

— Пристегнись! — сурово велел Дорн.

— Я уверена, что ничего не случится! — закапризничала Майя.

Он взял ее за подбородок двумя пальцами, сжал и повторил, глядя прямо в глаза:

— Пристегнулась.

Надувшись, она выполнила приказ, но в душе была счастлива: Максим заботится о ней, волнуется — он любит ее!

По дороге Майю укачало, и она заснула. Во сне за ней неотступно следовал чей-то взгляд, но не серые глаза мужа, а другие, напоминающие две бездонные черные пропасти, притягивающие к себе, лишаящие воли и сил сопротивляться.

Дома супругов ждала неприятная встреча.

— Ты что здесь делаешь?! — спросил Максим, без лишних церемоний хватая Олега Полтавцева за ворот рубашки.

Майя благоразумно отодвинулась от мужчин. Она понимала, что взрыв ярости Дорна вызван тем, что Олег напел ей всякой отвратительной ерунды о захоронении Юлии. В его-то пересказе Максим не просто сидел у закрытого наглухо гроба с ее телом, а еще и открывал его, любуясь покойницей. Полтавцева могло б извинить то, что он был пьян в момент спуска в склеп и слезки за кузеном, но только не в глазах Дорна.

Соня, сидевшая тут же, вскочила и бросилась разнимать братьев.

— Вы что, с ума сошли, какие драки?!

— Макс, Макс, ты чего?! — вытаращив глаза, заверещал Олег.

Максим оттащил его в сторону и что-то гневно заговорил. Соня встревоженно поглядывала на них, напряженная, словно натянутая струна, и Майя сочла за благо увести ее из гостиной.

— Они разберутся, я думаю.

— Но почему Макс так набросился на Олега?

Майя решила, что Соне не стоит знать, как именно Дорн поступил с телом умершей жены, поэтому ответила:

— У них там что-то по финансам не сошлось. Олег одолжил у Максима деньги и не вернул, словом...

— Понятно, — Соня вздохнула, печально глядя на Полтавцева.

— Зачем он приехал? — поинтересовалась Майя. — К тебе?

Шубина неопределенно пожала плечами и еще раз оглянулась на мужчин. Максим уже отпустил Олега, и тот бочком пробирался к двери. Поймав взгляд Сони, он помахал ей и сказал:

— Я все понял!

Та кивнула ему и долго смотрела вслед. Подошел Максим, отряхивая ладони, будто только что прикасался к чему-то гадкому.

— Больше он тебя не побеспокоит, Соня.

— Макс, не стоило... — укоризненно проговорила она, но Дорн сжал кулаки.

— Ты бы знала... А, ладно. Не хочу об этом говорить. Что у нас в доме с ужином?

И тут же раздался голос Дины:

— Дак ждет, остывает уже!

Максим одной рукой обнял Майю, другой Соню и спросил:

— Идем? Где Тёмка?

— Я позову! — Соня с очаровательной улыбкой вывернулась из-под руки Дорна и направилась к лестнице.

— Максим, — вспомнила Майя о своих недавних мыслях по поводу домашнего персонала. — Без Варвары сложно. Может, кого-то найдем?

— Ну, обратиться в агентство.

— А если я присмотрю кого-то из городка?

— Нет! — ответ последовал быстро и решительно.

Майя нахмурилась:

— Почему? Кому-то эта работа будет очень кстати, а нам...

— Майя, у меня правило — не брать на работу местных, — отрезал Максим. — Сплетни пойдут. Я подумаю над этим, обещаю.

— Тогда думай быстрее: Дина, наверное, устала бегать между плитой и дверью, — недовольно бросила Майя и, высвободившись из его объятий, пошла к столовой.

По пути она обернулась и выкрикнула с обидой:

— Ты отказываешь мне в любой попытке помочь землякам, Максим. Что с интернатом, что с работой. А сам пустил Романа жить в свою квартиру, не посоветовавшись со мной. Разве я как твоя жена не имею права голоса? А может, я против? Может, мне вообще все это мешает?!

Максим прошипел:

— Говори тише!

Но было поздно. Подняв глаза, Майя увидела на лестнице Соню и Артема, разумеется, слышавших ее тираду.

После ужина, прошедшего почти в полном молчании, Максим задержал Майю в гостиной.

— Я не буду просить тебя извиняться перед Соней, — сказал он. — По большому счету, сам во всем виноват. Навязал тебе чужих людей, которых ты и знать не знаешь. Но они мои друзья, Майя. Они дороги мне, я их не брошу в такой беде.

Майя слушала мужа, опустив голову, но на последних словах взглянула на него с интересом:

— А как повел бы себя Федор? Он тебя не пощадил бы, готовился засадить в тюрьму!

— Он этого не сделал бы, — Максим покачал головой.

— Уверен?

— Ну... нет... Но он — это он, а я — другое дело. Я решил так и поступаю соответственно. Ради себя и ради них.

— Ради Сони! — выпалила Майя.

Максим грустно улыбнулся:

— Меня и Федора связывала многолетняя дружба, а не только брак с Юлей, как ты могла бы решить. Его семья — моя семья.

— Ну да, его дети — твои дети. А как же наши, Максим? Наш будущий ребенок? Родится же он когда-нибудь!

Максим пожал плечами, и ей стало обидно. Он будто говорил: “Так сначала роди!”

— Ладно, я поняла. К Соне потом зайду, — сказала Майя.

— Насчет интерната... — Максим взял ее за руки, и сердце екнуло.

— Ты согласен помочь им?!

— Майя, нет, — твердо ответил он. — Но я готов периодически помогать любому детскому дому, какой выберешь.

— Спасибо, но одолжений мне не надо.

— Это не одолжение. В конце концов, дело-то хорошее.

— Знаешь, что мне непонятно, Максим? Вот ты говоришь, Юля помогала людям. Соня твердит о ней только хорошее, Дина тоже... А как же ее жестокость?

— О чем ты?

— Мне рассказала одна женщина...

— Опять сплетни? — Дорн нахмурился.

— Я верю ей! — Майя повысила голос. — Она своими глазами видела, как Юля расстреливала чаек! Максим, что это? Живодерство какое-то!

— Не было такого!

Максим и Майя одновременно повернулись в ту сторону, откуда прозвучал сердитый голос. У выхода в коридор стояла Дина и гневно смотрела на хозяйку. Потом она повторила громко и с нажимом:

— Юленька Владимировна ни в каких чаек не стреляла! Она же святая женщина была! Это все Варвара!

Максим резко поднялся и едва ли не прыжком преодолел разделявшее их с Диной расстояние. На глазах у изумленной Майи он схватил повариху за плечи, хорошенько встряхнул и рывкнул:

— Быстро рассказывай!

Тёмка наконец решился. Спросить спросит, а там уж... Хотел быть взрослым — пора начинать со взрослых разговоров. Он постоял у двери, вдохнул, выдохнул и постучал.

— Входите, входите, — приглушенно пропел изнутри мамин голос.

Одна? Тем лучше.

— Мам, я поговорить, — сказал он, несмело переступая порог комнаты.

Соня сидела у зеркала и пыталась расчесать волосы. Сама! Тёмка сроду не видел, чтобы она занималась этим без помощи Лидии. Какие же они у нее длинные и густые. Красотища. Когда он был маленький, то часто играл, запуская в них ручки и плетя что-нибудь. Но теперь

ему этого делать не хочется. Из-за отца. Потому что не раз видел, как тот перебирает пряди маминых волос, и знает, что происходило потом... Как она терпела это? Зачем?

— О чем поговорить, мой хороший? — Соня отважно сражалась с каким-то непонятным колтуном и сосредоточенно пыхтела, теребя его расческой.

— Чего ты Лиду не попросишь?

— Она устала очень, Тёма. Целый день со мной возится, пусть поспит. Я слушаю тебя!

Шубина внимательно наблюдала за сыном в зеркале. Артем сел на кровать, взьерошил светлые вихры на затылке, завел глаза в потолок, потом изобразил какую-то непонятную гримаску. Отчаянно хочет сказать что-то, но никак не может набраться смелости. Хоть бы наметнул, о чем речь, она бы подтолкнула беседу!

Наконец мальчик заговорил:

— Мужик к тебе сегодня приходил... Я его видел уже.

Соня удивленно наморщила лоб, а потом припомнила: ну конечно! Это было тогда, вечером... Олег внезапно приехал с цветами, и они долго говорили на улице. Бедный Тёмка, так вот из-за чего... Она повернулась к нему:

— Это Олег Полтавцев, двоюродный брат Максима.

— Ты с ним будешь теперь? — спросил Тёмка.

Ничего себе, прямо! Ну что ж, каков вопрос, таков и ответ.

— Нет, не буду.

И тут же увидела, как опустились у сына плечи, но не от разочарования — это он облегченно выдохнул. Не нравится ему Полтавцев? Или вообще никого не хочет рядом с ней видеть?

— Тебя беспокоит, что я общаюсь с кем-то? — непринужденно спросила Соня, снова взявшись за расческу.

Тёмка помялся:

— Не... Вообще... Если тебе этот нравится, то тоже норм... Просто...

Соня вздохнула, поглядела на свое отражение и подумала, что причесаться можно и позже. Она кое-как закрутила волосы в несколько жгутов, сплела косу и уложила ее в узел. Тяжеловато. Пожалуй, пора укоротить эту гриву. Самой не справиться, а Лидушку эксплуатировать уже становится жаль.

Закончив с волосами, Соня подошла к мальчику и присела на корточки перед ним. Он с каким-то непонятным страхом взглянул на нее и попросил:

— Сядь рядом.

— Как скажешь...

Соня пожала плечами, не понимая, каково Тёмке видеть ее перед собой вот так, почти на коленях. Она села рядом и обняла его.

— Раз ты хотел поговорить, то давай тогда серьезно... Согласен?

Тёмка кивнул.

Майя напряженно ждала, что скажет Дина, а та, сидя в кресле, куда усадил ее Максим, ссутулилась и будто стала меньше своих привычных размеров.

— Я не знаю, что там ваша женщина знакомая видела, Майя Аркадьевна, — сказала повариха дрожащим голосом, а это Варвара в птиц стреляла, а Юленька Владимировна ее гоняла и однажды даже уволить грозились, если та не прекратит. А Варвара тогда ей сказала, что должна, потому что иначе сноровку потеряет.

— Сноровку?! — хором воскликнули Максим с Майей.

Дина часто-часто закивала:

— Ровно так и сказала. Юленька Владимировна начала кричать, что зачем оно ей сейчас-то нужно, а Варвара вся выпрямилась и спокойно так говорит: “А кто знает, что жизнь нам готовит?”

— Максим, ты кого в доме держал? — поинтересовалась Майя у мужа, прекрасно понимая при этом, что уж он-то последний, кто мог быть в курсе тайных умений экономки.

Она и сама после рассказа Сони догадывалась, что Варвара не была обычной теткой на хозяйстве. И при Соне ее держали не для воспитания и игр, а для охраны. А что за охрана без оружия? Голова кругом!

— А я ведь тоже думал, что это Юля... — глухо произнес Максим. — Единственное, чего я не в ней мог понять и принять до конца...

— Она добрая была, — настойчиво повторила Дина. — Как за цветами ухаживала! А вы говорите, птичек... Да как вам в голову пришло?!

— Я видел ее с пистолетом... в скалах...

Майя наблюдала за мужем, затаив дыхание. Возможно, сейчас он вспоминает ту самую сцену, о которой рассказывала им с Викой Лариса. Безумного вида фигура в белом с пистолетом в руке над пропастью, в которую одна за другой падают подстреленные птицы. А ведь Лариса говорила, что слышала два голоса — самой Юлии и другой женщины, постарше. Значит, это была Варвара? Так кто же кого останавливал? И правда, ведь непонятно ничего из короткой словесной перепалки, когда один молит, а другой прогоняет... Что, если все было наоборот, и Юлия, застав Варвару за очередной “тренировкой”, хотела выгнать ее, а та упрямилась этого не делать? Кто ж теперь скажет правду? Одна мертва, вторая пропала. Да и важно ли сейчас?

Однако, снова подняв глаза на Максима, Майя поняла: ему — важно. Дорн молчал и странно улыбался. Вид у него был такой, будто с души сняли груз. Будто он получил то, о чем давно мечтал, но еще не до конца поверил в чудо и только свыкается с мыслью о нем. Потом он посмотрел на испуганно вжавшуюся в кресло Дину и с чувством сказал ей:

— Диночка, спасибо тебе! Спасибо!

Та изумленно вытаращила глаза, а Максим сорвался с места и рванул по лестнице наверх. Майя с Диной переглянулись.

— Я не поняла, идти-то можно? — робко спросила повариха.

— Идите, конечно... — Майя махнула рукой и откинулась на спинку дивана.

Мысли ее одолевали нерадостные. А с чего веселиться, когда на твоих глазах муж опять ушел в воспоминания о другой женщине, да еще воспоминания эти все радужнее становятся? Она не заметила, как осталась в гостинной одна, и погрузилась в размышления, из которых ее выдернул голос Сони:

— Майя, прости, пожалуйста, ты не знаешь, где Максим?

Майя вздрогнула и подняла голову. Соня стояла перед ней с телефоном в руке, на лице ее читалась растерянность.

— Максим наверх поднялся, видимо, к себе.

— Его нет в комнате.

— Странно. Я же видела... Неужели в этом доме есть еще какие-то скрытые помещения?

Майя со стоном запустила руки в волосы. Сколько же здесь тайных мест, о которых она не знает?

— Что-то случилось, Соня? Чем ты обеспокоена?

Но Шубина не ответила. Она так и стояла, опустив голову и глядя на мобильник, и Майе самой стало тревожно.

— Кто-то звонил? Это про Федора?

— Нет-нет... Другое... Максим!

Майя удивленно обернулась: ее муж появился из кабинета.

— Максим, как ты там оказался? — проямлила она. — Ведь при мне ушел наверх!

— Давно уже спустился, ты просто не заметила, — объяснил он. — Слишком глубоко погрузилась в себя.

— Макс! — Соня кинулась к нему.

— Что стряслось?

— Даша... Даша летит.

Соня переводила взгляд с Максима на Майю и выглядела теперь очень виноватой.

— Она только что мне написала, что рейс прибудет завтра утром. Что мне делать?

Майя затаила дыхание.

— А Никита? — спросил Дорн.

— Никита должен быть на конкурсе.

— Что делать, что делать... Скажи, во сколько рейс — отправим за ней Кирилла. Майя, ты не против, надеюсь?

Глядя в его глаза, она поняла, что это никакой не вопрос, и только кивнула.

— Ну вот и славно, все решили. И проблем нет, да? — весело воскликнул Максим.

Соня оглянулась на Майю, и та изобразила на лице улыбку. Ничего иного ей и не оставалось.

...Она почти не помнит, как дошла. Помнит только, что сначала было тяжело и больно, а теперь, когда на ее стук откликнулись и отперли дверь, становится просто больно.

Спасенную девочку забирают, а ее саму подхватывают под руки и тащат. Кто-то говорит, что надо врача. Зачем? На полу кровь. Неужели она так сильно порезалась? Нет, тогда врач не был бы нужен.

Идти тяжело, ноги подгибаются, но вот ее кладут. Похоже, на стол. На живот. Она слышит, как разрывают на ней одежду, оголяя спину. Боль такая, что кричать хочется, но она лишь закусывает губу и мычит. А потом смотрит в проем двери — единственное, что может видеть в таком положении.

Там девочка. Черноволосая и черноглазая. Девочка, так похожая на ее дочь.

— Юля, — шепчет она. — Юленька...

Девочка стоит и смотрит на нее своими огромными печальными глазами, и ей кажется, будто она в них тонет. А потом все мутнеет и расплывается...

Глава 6

На следующий день, вопреки обыкновению, Максим не уехал в офис. Майя узнала об этом, спустившись к завтраку и обнаружив, что он сидит за столом мрачнее тучи, не притрагиваясь к еде.

— Доброе утро! Ты решил остаться дома и встретить гостью?

Она наклонилась к мужу за поцелуем, но тот лишь слегка повернул голову.

— Максим, не пугай. Что стряслось? Что за вид?

— Поиски Федора прекратили. Мне только что звонил Ромка, он на связи с группой. И вряд ли удастся подключить волонтеров, если уж профессионалы отказались от надежды найти его.

Майя села напротив и пристально посмотрела на Дорна:

— Что ж, мы и так понимали, что он погиб.

— Хотелось, знаешь ли, похоронить, — сухо ответил Максим.

— Я думала, людей ищут, пока не найдут хотя бы тело.

— Здесь речь шла об активном поиске, прочесывании местности. Дело-то, конечно, останется открытым до официального признания Лисовского погибшим.

— Бедная Соня... — в эту минуту Майя действительно жалела Шубину.

— Может, ей так даже легче, — возразил Максим. — Я уверен, Наталья и близко не подпустила бы ее к гробу.

— Да брось, не чудовище же она...

Кривая усмешка Дорна красноречивее всяких слов сообщала о его мнении насчет моральных качеств законной жены Лисовского.

— Вот зачем нужен брак! — Максим вытянул указательный палец в сторону Майи, напоминая ей тем самым их давний спор, когда он предложил сделку с замужеством и ребенком. Он тогда так и сказал: "Мало ли что может случиться!" Вот, с Федором случилось, и теперь Соне и их четверым детям негде и не на что жить.

— Что будет дальше?

— А дальше мы ожидаем объявления Федора умершим и идем за наследством, — спокойно ответил Максим. — То есть младшие Лисовские идут, а я помогаю, потому что знаю хороших юристов.

Майя даже не стала уточнять, откуда такие знакомства: она уже сообразила, что стиль ведения бизнеса в компании подразумевает мощную юридическую поддержку. Да, смерть Юлии должна была здорово подкосить систему...

— И Соня не опустит рук? — спросила девушка, плохо представляя себе Шубину воюющей с Натальей.

Максим рассмеялся, но тут же посерьезнел.

— Ты зря думаешь, что она совсем беззубая. Я бы никому не советовал иметь врагами Лисовских, и Соня — лучшее доказательство того, что не нужно иметь гены хищника, чтобы перегрызть глотки.

Майя недоверчиво посмотрела на мужа, а потом спросила:

— Ты сам жил с Юлей много лет. Может, тоже стал зверем?

— Может, — ответил Максим без тени улыбки.

Рейс Даши задержали, о чем Кирилл сообщил только из аэропорта. Услышав это, Дина повеселела на глазах, потому что приготовить праздничный обед никак не успевала, а вот

праздничный ужин — вполне. Зачем был нужен именно “праздник”, Майя не слишком понимала, но повариха настаивала:

— А как же? Девочка столько времени не была дома, да еще такое несчастье — надо порадовать ее!

Максим ушел в кабинет работать, Майя же решила воспользоваться моментом и зашла к Соне, чтобы извиниться за слова, что накануне вырвались у нее в запале.

Шубина стояла у окна, как будто любуясь морским пейзажем. Однако подойдя и заглянув Соне в лицо, Майя поняла, что та вряд ли замечает, на что смотрит. Пожалуй, это был один из тех редких случаев, когда Соня не улыбалась, и впервые дело было не в ее плохом самочувствии. Вспомнился разговор с Максимом: может, и впрямь размышляет, как одолеть Лисовскую?

Едва Майя начала каяться, Соня поморщилась и остановила ее.

— Я ни капли не обижаюсь, моя дорогая. Даже если бы ты принялась нас выгонять, я поняла бы тебя. Ты в своем доме и абсолютно права. Это я должна просить тебя еще немного потерпеть. Мы с Максимом что-нибудь придумаем. В конце концов, у Артема закончились каникулы, ему нужно как-то добираться до школы, а значит, придется думать о жилье в городе.

После этих слов Майя почувствовала себя еще более виноватой, словно уже выгоняла несчастную женщину на улицу. Стараясь замять неловкость, она сделала вид, что рассматривает комнату, преобразившуюся с появлением Сони и гораздо больше напоминавшую теперь женскую спальню.

— При Юлии здесь было сурово.

Соня огляделась и кивнула:

— Соглашусь. Она не любила роскошь. Минимум вещей, простая одежда, к еде вообще была равнодушна...

— Так принято в их семье?

— Что ты, наоборот! Лисовский слыл сибаритом — я имею в виду Владимира Львовича, их с Федей отца. Он ценил комфорт, искал удовольствия во всех его проявлениях, часто нелегальных, и легко мог впасть в излишества. Все это происходило на моих глазах.

— От тебя ничего не скрывали? — удивилась Майя.

Соня рассмеялась:

— А зачем? Я была Лисовскому как дочь наравне с родными детьми. В последние годы жизни он гораздо больше времени проводил у меня, играя с внуками, чем в своем доме.

Майя была потрясена и переспросила:

— Постой, но я думала... Максим говорил... А как же тогда брак Федора с Натальей? Зачем их заставили пожениться?!

— Так было нужно для дела, — просто ответила Соня. — Но Владимир никогда не отрекался от наших с Федором детей. Уверена, если бы успел, то упомянул бы их и в завещании, и сейчас мы не докучали бы вам с Максом.

— А что же ему помешало? — полюбопытствовала Майя.

— Думаю, он не собирался умирать так рано, — пояснила Соня. — Когда это случилось, Владимиру было чуть за пятьдесят.

— Несчастный случай?

— Его убили.

Майя очень надеялась, что мелькнувшая в уголках губ Шубиной улыбка ей померещилась.

Дина едва успевала уследить за всеми кастрюлями и сковородами. Наблюдая за ее метаниями от плиты к столу, потом к холодильнику, а затем к мойке, Майя твердо решила, что

завтра же, после визита к врачу, займется расширением штата обслуживающего персонала. Максим говорил, что когда-то в особняке было много прислуги, и лишь при его родителях осталась одна Дина. Но сейчас-то в доме целая орава обитателей! Она, Дорн, Соня, Лидия, Артем, скоро присоединится Даша, да и Кирилл теперь тоже с ними поселился.

— Диночка, давайте помогу, — послышалось от двери, и мимо Майи проплыла Лидия.

Повариха даже возразить ничего не успела, как та схватила нож, доску и застыла, ожидая постановки задачи. Майя почувствовала, что краснеет, и двинулась вслед за Лидией, но Дина возмущенно воскликнула:

— Нет уж, Майя Аркадьевна, вас не пушу! Где это видано? Идите, идите, рисуйте там у себя!

Лидия улыбнулась и тоже сказала:

— Майечка, мы справимся, не беспокойтесь. Я не просто так ввязалась: Дашка в еде жуть как привередлива, не всякое в рот возьмет, и только мне известно, как для нее готовить.

Дина закивала, подтверждая ее слова:

— Точно, Майя Аркадьевна, вот это святая правда. Дарьюшка, она такая, хуже папочки своего, ох, царствие ему небесное!

Перекрестившись, Дина вернулась к своим делам, попутно объясняя Лидии, что нужно сделать. Постояв в нерешительности, Майя покинула кухню и направилась было в мастерскую, как вдруг вспомнила, что так и не отдала Максиму его портрет. Он остался в багажнике кроссовера, который сейчас мчится по какой-то из дорог, везя к ним Дашу Лисовскую.

От встречи с дочерью Федора Майя не ждала ничего, молясь лишь о том, чтобы в дом не вошла вторая Юлия. Она действительно очень боялась увидеть кого-то похожего на свою предшественницу, хотя слабо представляла себе, как та могла выглядеть в молодости.

Вообще, у Майи было ощущение, что лицо Юлии ей знакомо, вот только откуда? Сначала она ужасно злилась на себя: нашлась художница, элементарного не может вспомнить! Однако потом до нее дошло, что все дело в глазах. Ведь Лариса, описывая внешность женщины, встреченной ею на набережной, говорила то же самое: взгляд Юлии мешал увидеть ее лицо целиком. Если Майя когда-либо и встречала кого-то похожего, то попросту не признала бы... Взять хотя бы Вику Волкову — у нее точно такие же огромные темные глаза, но похожа ли она на Юлию? Майя не могла совместить их лица в воображении, сколько ни пыталась. Колдовство какое-то! К тому же присутствие Сони мешало рассмотреть работу Грибокonia получше, и в итоге было решено сфотографировать изображение, а потом поиграть с фоторедактором, но руки все не доходили.

Словом, готовясь к приему Даши Лисовской, Майя желала одного: пусть она окажется похожей на кого угодно, но только не на высокомерную даму с портрета.

Встречать вновь прибывшую высыпали все обитатели дома, кроме, собственно, Дины и Лидии, во всю прыть торопящихся с ужином.

Наконец вишневый автомобиль подкатил к крыльцу, Кирилл услужливо распахнул заднюю дверь... и Майя облегченно выдохнула: перед ними стояла среднего роста девушка с изящной фигуркой, копной выющихся темных волос и распахнутыми светло-серыми глазами. Единственная дочь Сони была почти полной ее копией, разве что в линии рта и подбородка угадывались резкость и сила воли, присущие характеру Дарьи и унаследованные, очевидно, от отца. Соня уже шагнула вперед, протянув к дочери руки, но тут из салона выпрыгнул еще один пассажир.

— Никитос!!! — завопил Артем и кинулся на шею рослому молодому человеку, такому же кудрявому и сероглазому, как Даша.

— Вот так дела, Никита тоже? — удивленно сказал Максим и пояснил в ответ на вопросительный взгляд Майи: — Никита — Дашкин брат-близнец.

— Ты откуда, а как же конкурс? — изумленно пробормотала Соня.

— Первый тур выиграли, пауза! — воскликнул юноша и стиснул мать в объятиях. — А Дашка сдала свои зачеты экстерном. Ну не могли мы там сидеть, мамуль!

— Поздравляю, мой хороший... — Соня расцеловала его, потом наконец обняла и дочь, а Никита подошел к Максиму, протягивая ему руку.

— Спасибо, — сказал он, — не знаю, что бы мы все без тебя делали...

Тут взгляд его упал на Майю, и Дорн представил ее:

— Познакомься, Никита, моя жена Майя.

Если Никита и был удивлен выбором Максима так же, как все остальные, то ничем этого не выдал: его лицо выражало дружелюбие и искренний интерес.

— Очень рад знакомству. Можно на “ты”?

— Конечно, — она даже растерялась, а Никита, сверкнув обаятельной улыбкой, обернулся к остальным и громко сказал:

— Слушайте, холодновато, может, в дом?

Уже входя в двери, Майя оглянулась, ища глазами мужа, и увидела его с Дашей. Максим вежливо улыбался девушке, тихо говорившей что-то, но его напряженное лицо, глаза, какими смотрела на него Даша, и ее легкое прикосновение в руке Дорна Майе очень не понравились. Перехватив Максима, она сказала:

— Насчет твоего портрета, он...

— Потом, милая, все потом, — рассеянно ответил Дорн, глядя вслед Даше.

Близнецы очень быстро поделили две оставшиеся комнаты на втором этаже, причем обошлось без ссор и обид. До ужина еще оставалось время, и Даша с Никитой могли спокойно разложить вещи, переодеться и отдохнуть с дороги.

— Рейс перенесли из-за непогоды — там уже снегопады и настоящие бури! — объяснила Даша причину задержки в пути.

Майя отметила про себя, что при большом сходстве с матерью у нее совсем другой тембр голоса: не Сонин, звонкий с переливчатыми нотками, а низкий и хриловатый. Никита же, напротив, говорил словно пел, потому, наверное, и решил стать музыкантом.

— Значит, отчислился? — спросил его Максим.

— Да! Я давно решил, просто ждал каникул. Думал, выиграем конкурс, приеду, скажу отцу, и он поймет...

Юноша не договорил. Майя подумала, что вряд ли его надеждам суждено было оправдаться. Скорее всего, Лисовский начал бы давить на сына, вынуждая вернуться к учебе. Увы, как это ни прискорбно, но только смерть Федора освободила его сыну путь к мечте. Зато Даша, казалось, была вполне довольна своей будущей профессией.

— А кем она станет? — спросила Майя у Сони.

— Юристом, — ответила та.

Незадолго до того, как все собрались в столовой, появился Роман. Никита шумно приветствовал старшего брата, сестра чуть более сдержанно, но тоже с явной радостью. Дети Лисовских были очень дружны между собой, и Майя гадала, в чем тут секрет, пока в голову не пришло, что дело, вероятно, в системе их воспитания, в которую ее посвятил Максим.

До совершеннолетия они находились с матерью, а скандалы при Соне казались делом совершенно невообразимым. Сторонники эзотерических идей сказали бы, что Шубина гасит конфликты своей аурой, Майя же точно знала, что женщине, способной уgomонить взбешенного мужчину, нетрудно проделать то же самое с малолетними озорниками.

Однако, помимо атмосферы покоя и безмятежности, царившей в доме Сони, детей объединяло и еще одно — отец-деспот, против которого можно было выстоять, лишь поддерживая и выгораживая друг друга. Этого Майя наверняка утверждать не могла, но почему-то такое объяснение казалось ей наиболее близким к истине. Удовлетворившись им, она принялась выбирать платье. В любой другой день к ужину можно было бы спуститься в простом домашнем костюме, но сегодня у них особенный вечер.

Майя остановила свой выбор на черном платье средней длины с запахом, мягко облегающем фигуру, с подчеркивающим талию широким поясом и глубоким декольте. Увидев ее одетой, Максим одобрительно кивнул, но потом погрозил пальцем и сказал:

— Да ты с ума сошла! Там три здоровых половозрелых парня — они же возненавидят меня.

— Нравится? — игриво спросила Майя, вильнув бедрами.

— Очень... Но пора спускаться, нас ждут.

Майя была озадачена. Не то чтобы ей очень хотелось опоздать к столу, заслужив порцию многозначительных взглядов Романа Лисовского, но от мужа она ожидала большей пылкости.

Ужин удался на славу. Во всяком случае, с точки зрения Майи. Дина превзошла саму себя: блюда были изумительными на вкус, а меню поражало разнообразием. Неудивительно, что поварихе понадобилась помощь. Майя украдкой наблюдала за Дашей и отметила, что та и в самом деле с большой осторожностью пробовала то, что оказывалось в ее тарелке, но в конечном итоге одобрила все поданное. Говорила девушка совсем мало, а вот Никита увлеченно рассказывал о своей музыкальной карьере, уроках вокала, которые брал тайком от всех, о том, как собрал группу, об удаче, приведшей их на конкурс и о многом другом. Тёмка, раскрыв рот, слушал брата, а Соня глядела на обоих с бесконечной нежностью и, как показалось Майе, с гордостью. Максим наклонился к жене и прошептал ей на ухо:

— Никита первым пошел против отца. Тёмка тоже взбрыкнул, но за него просила Соня, а наш Орфей сам по себе.

— Значит, не таким уж всемогущим был ваш Федор, — отозвалась Майя, разглядывая семейство, впервые представшее перед ней в полном составе.

Вернее, почти в полном, но следовало признать: без худшей своей половины. Правда, о Лисовском тоже вспомнили. Никита и Даша наперебой расспрашивали о катастрофе, ее причинах и ходе поисков, однако Максим с Романом мало что могли сказать. Экспертиза механизма вертолета еще не закончена, расследование идет. Соня отмалчивалась, только с каждой минутой делалась все печальнее. Первой заметив это, Лидия шепнула что-то на ухо Роману, и тот решительно сказал:

— Ну ладно. Давайте не будем превращать сегодняшний вечер в поминальную трапезу. У нас еще будет для этого время. Дашка, ты что молчишь? Я тебя, между прочим, еще не отругал за шоу в сети!

Даша фыркнула и под насмешливыми взглядами братьев встала и вышла из столовой.

— О чем он? — спросила Майя Максима.

Он хмыкнул:

— Меньше надо было на митингах своих скакать и по кладбищам за мной бегать, тогда была бы в курсе.

— Слушай... — возмущенно начала она, но Дорн приложил палец к губам и поднялся.

— Куда ты?

— Я сейчас. Поиграй пока в радушную хозяйку, развлеки наших гостей. Вон Соня что-то загрустила!

С этими словами Максим исчез, и Майе ничего не оставалось, кроме как действительно заняться оставшимися за столом. Она пересела к Шубиной поближе.

— Соня, все хорошо?

Та подняла на нее ясные глаза и улыбнулась, но Майя заметила на ее ресницах росинки слез.

— Ты из-за Федора?

Соня помотала головой:

— Да нет... Я уже смирилась. Почти.

Быстро же она. Максим вон до сих пор мается. Хотя разница между несчастным случаем и самоубийством все-таки существенная. Последнее будоражит куда сильнее и оставляет неизгладимый след в виде чувства вины у тех, кто продолжает жить. К гибели же Лисовского приложила руку сама судьба, и Соне не за что себя судить.

Тем временем Никита решил продемонстрировать какой-то элемент танцевального номера, поставленного для них на конкурсе, и отчаянно смешил братьев своей неуклюжестью.

— На самом деле я в этот момент стою в стороне и пою, а вот это все исполняют ребята. Я ж деревянный!

— Вас покажут по телеку? — спросил Тёмка, но Никита ответил отрицательно:

— Не-а, первый тур не для эфира: слишком много участников. Если и покажут, то лишь тех, кто дальше нормально выступит.

— Когда второй тур? — поинтересовался Роман.

— Через месяц. И там все очень серьезно. Мы готовим целую программу, но беда в том, что на конкурсе должны будем петь чужие песни, которые нам назначат.

— Ты справишься, — уверенно сказала Соня. — Как иначе?

— И это уже покажут на телевидении! Чтобы все смотрели, понятно? И ты, мама! — строго сказал Никита, но даже строгость эта была обаятельной. Харизматичный, артистичный... На взгляд Майи, этот юноша верно выбрал свою дорогу.

— Кто бы мог подумать, что я стану матерью эдаких здоровяков... — задумчиво проговорила Соня, и Майя вновь услышала гордость, сквозившую в ее интонации.

Она поняла, что опять испытывает зависть. На этот раз к Соне, щедро одаренной тем, о чем сама Майя мечтает вот уже который месяц с первого дня своего замужества — детьми.

— А где Дашка? Кто-нибудь видел Дашку? — донесся до ее ушей голос Никиты.

Максим оглянулся, проверяя, не идет ли кто-то за ним, но все было спокойно. Он пересек гостиную, вошел в кабинет и запер за собой дверь, повернув задвижку.

В ту же секунду тьма за его спиной шевельнулась, гибкие руки заскользили по телу, ноздрей коснулся до боли знакомый аромат духов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.